Духъ разрушающій есть духъ созидающій. *У рабочихъ нѣтъ отечества.*

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BOUGHT FROM
DUPLICATE MONEY
FEB 13 1940

XT16(10)

Рабочее Знамя

Органъ русскихъ анархистовъ-коммунистовъ.

№ 4. Лозанна. Іюль--Августъ 1915. № 4.

По случаю годовщины смерти Михаила Бакунина и Элизэ Реклю мы въ этомъ номерѣ воспроизводимъ двѣ посвященныя ихъ памяти статьи. Одну — А. Рейхеля, о М. Бакунинѣ, другую — П. Кропоткина, объ Э. Реклю.

ВОСПОМИНАНІЯ О БАКУНИНѢ

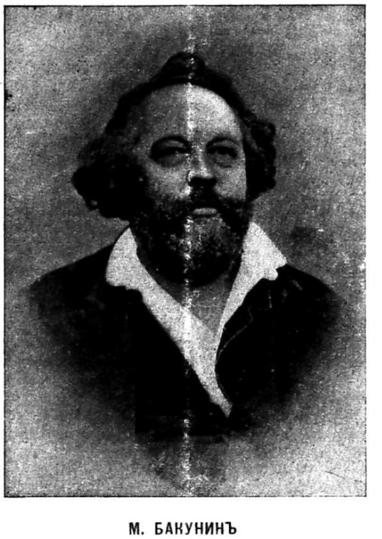
Адольфа Рейхеля.

(„La Révolte", supplément aux №№ 10, 11, 12).

Все, что я могу сообщить о Михаилѣ Бакунинѣ, состоитъ изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ указаній, которыя конечно могутъ касаться только близкихъ дружескихъ отношеній, существовавшихъ между нами много лѣтъ. Эта дружба была основана на чистотѣ идей, которой Бакунинъ руководствовался въ своихъ политическихъ дѣлахъ, а я въ музыкальныхъ; вслѣдствіе этого намъ никогда не приходило въ голову спрашивать другъ друга о нашихъ личныхъ дѣлахъ; поэтому я не въ состояніи дать никакихъ поясненій о томъ, какія отношенія онъ поддерживалъ съ семьей и отечествомъ, которыя онъ рано покинулъ. Вспоминая признанія, которыя рѣдко вырывались у него, я могу только сказать, что онъ питалъ къ своему отцу безграничное уваженіе и любовь, а къ матери чувствовалъ такое сильное отвращеніе, что оно, по его собственнымъ словамъ, доходило даже до ненависти. Онъ не былъ въ хорошихъ отношеніяхъ ни съ кѣмъ изъ братьевъ и сестеръ, кромѣ брата Павла, который былъ моложе его, и сестры Татьяны, къ которой онъ проникся прочной и сердечной симпатіей.

Въ 1842 г. одинъ общій знакомый представилъ мнѣ трехъ молодыхъ русскихъ, которые всѣ три поразили меня своимъ необычайнымъ ростомъ. Это были Михалъ и Павелъ Бакунины и Иванъ Тургеневъ, впослѣдствіи пріобрѣвшій такую извѣстность своими замѣчательными [illegible]нами. Михаилъ скоро сумѣлъ увлекательной силой [illegible]чи завоевать мою симпатію и симпатію моей [illegible] сестры, которые онъ и сохранилъ вѣрно и преданно до самой своей смерти. Когда вскорѣ послѣ того Тургеневъ и Павелъ Бакунинъ возвратились въ Россію, Михаилъ предпочелъ продолжать свое пребываніе заграницей.

Бакунинъ, еще бывшій тогда красивымъ молодымъ человѣкомъ, не могъ не производить своимъ блестяще одареннымъ умомъ сильнаго вліянія даже на людей, которые горячо противились его взглядамъ, тогда уже открыто революціоннымъ, и Германія скоро сдѣлалась для него настолько опасной, по причинѣ его личныхъ отношеній съ Гервегомъ, что онъ счелъ за лучшее не оставаться долѣе въ Дрезденѣ, а удалиться на свободную почву Швейцаріи; тамъ, сперва въ Цюрихѣ, потомъ въ Бернѣ, онъ могъ разсчитывать на безопасное убѣжище противъ русскихъ преслѣдованій [1]). Незадолго до его выѣзда, вначалѣ 1843 г., я имѣлъ случай присутствовать у него на одномъ собраніи и тамъ, въ числѣ прочихъ, я познакомился съ Арнольдомъ Руге, издателемъ „Hallesche Jahrbücher", гдѣ Бакунинъ помѣстилъ свою статью, которой главнымъ пунктомъ были слова: „Духъ разрушенія есть творческій духъ" [2]). Какъ странно должны были звучать такія изреченія для меня, замкнутаго въ моей музыкальной области, занятаго скорѣе сохраненіемъ пріобрѣтеннаго блага, чѣмъ уничтоженіемъ предполагаемаго зла, въ то время, какъ мнѣ въ этомъ собраніи предсказывали близкую, огромную всеобщую революцію, послѣ которой карта Европы долженствовала представлять совершенно новый видъ. Но возбужденные голоса гостей покрывали слабыя возраженія музыканта-консерватора, который ограничился тѣмъ, что заключилъ пари съ Бакунинымъ, утверждавшимъ, что втеченіе пяти лѣтъ весь политическій строй Европы подвергнется полному измѣненію. Это пари было проиграно обѣими сторонами, хотя черезъ пять лѣтъ послѣ того и была произведена революція въ Парижѣ. Слишкомъ ясно чувствовалось съ самаго ея начала, что для ея успѣха необходимы болѣе продолжительныя измѣненія и болѣе жестокія сраженія, чѣмъ тѣ, какія могли быть даны во время трехдневнаго мятежа. Теперь всякій знаетъ, что вмѣстѣ съ политическими интересами выступили на первый планъ и соціальные, которыхъ не могутъ уладить ни войны, ни договоры, которые могутъ быть удовлетворены только путемъ природы и воспитанія. Такъ и Бакунинъ нашелъ тамъ, при своемъ прибытіи въ Швейцарію, зародыши коммунистическаго движенія, и его подстрекало присоединиться къ нему лично и направлять какъ можно лучше революціонныя намѣренія. Когда, послѣ недолгой разлуки, мы встрѣтились осенью 43 г. въ Женевѣ, мы



М. БАКУНИНЪ

(1814 1876)

сначала б[illegible]хали [illegible]ъ нашествія [illegible] большой Сенъ-Бернаръ, [illegible]зель, Фурку и т. д. и, проживши нѣкоторое время на[illegible] Женевскимъ озеромъ, собирались поселиться на болѣе долгое время въ Бернѣ; но это время, къ несчастью, было сокращено сообщеніемъ русскаго посланника въ Бернѣ, который, по желанію правительства петербургскаго, отдалъ приказаніе Бакунину возвратиться немедля въ Петербургъ. Бакунинъ очень хорошо зналъ, что его поѣздка туда легко можетъ продолжиться до самой Сибири, и, такъ какъ посланникъ не могъ ему дать никакой гарантіи на этотъ счетъ, то онъ предпочелъ поискать другое мѣсто жительства, гдѣ бы можно было укрыться отъ Россіи, и послѣ нѣкотораго размышленія онъ нашелъ, что этимъ убѣжищемъ можетъ стать тогда еще молодое бельгійское государство. Такъ какъ наша дружеская связь стала еще крѣпче вслѣдствіе нашего общаго путешествія и сердечнаго пріема, сдѣланнаго намъ семействомъ профессора Фогта (Адольфъ Фогтъ, тогда студентъ медикъ, къ нашему удовольствію присоединился къ намъ), Бакунинъ и я направились вмѣстѣ въ половинѣ марта 1844 г. въ Брюссель, гдѣ мы нашли обильную пищу,— онъ для своихъ революціонныхъ интересовъ, я для музыкальныхъ. Такъ какъ Брюссель находится почти на дорогѣ изъ Москвы въ Парижъ, то Бакунину случалось время отъ времени видѣться съ кѣмъ нибудь изъ своихъ друзей, которые хотя и рѣдко раздѣляли его крайніе взгляды, но очень хорошо понимали, что онъ въ изгнаніи. Само собой разумѣется, что Бакунинъ дѣятельно поддерживалъ отношенія съ польскими эмигрантами въ этомъ городѣ (изъ всѣхъ ихъ наиболѣе интересовалъ его профессоръ Лелевель), хотя въ то время еще были невозможны приготовленія къ серьезному возстанію; это должно было случиться позже.

По приглашенію одного московскаго друга, весной 1844 года, Бакунинъ ѣздилъ ненадолго въ Парижъ и возвратился оттуда такимъ возбужденнымъ отъ впечатлѣнія, которое произвело на него могучее оживленіе парижскаго населенія, что легко опровергъ мое сужденіе о немъ, и я, наконецъ, хотя и съ отвращеніемъ, далъ себя убѣдить поселиться въ Парижѣ по крайней мѣрѣ на время празднествъ въ честь іюльскихъ дней; впрочемъ, я еще не пришелъ тогда къ окончательному рѣшенію. Но возможный разрывъ нашей тѣсной связи былъ предупрежденъ какъ стеченіемъ обстоятельствъ, такъ и уступчивымъ направленіемъ моего характера, и вскорѣ я нашелъ въ Парижѣ занятіе, подходящее и производительное для моей музыкальной дѣятельности, такъ что пятнадцать дней, которые я обѣщалъ провести въ этомъ городѣ, обратились почти въ столько же лѣтъ.

До тѣхъ поръ Бакунинъ направлялъ предварительныя усилія къ революціи, можетъ быть слишкомъ ожидаемой, скорѣе теоретическимъ и спекулятивнымъ образомъ; но въ Парижѣ онъ не только нашелъ подходящій случай присоединиться дѣятельно къ революціоннымъ элементамъ (въ этомъ ему помогло знаніе французскаго языка и отношенія съ редакторомъ „National", Марастомъ), но и поощреніе къ дальнѣйшему развитію своихъ нравственныхъ силъ, чтобы быть въ состояніи принять участіе въ движеніи, которое могло вскорѣ наступить. Такъ онъ занимался все съ большимъ и большимъ увлеченіемъ изученіемъ революцій, уже бывшихъ во Франціи, и дѣйствій государственныхъ людей, которые направляли ихъ теченіе или погибли въ нихъ; это давало мнѣ часто поводъ подшучивать надъ его *вѣчной* книгой, которую онъ писалъ каждый день съ тѣмъ, чтобы никогда не кончить. Я не могу отрицать, что при нашихъ болѣе и болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ у насъ было много пунктовъ разногласія; такъ какъ взрывъ, къ которому фатально должны были привести разрушительныя идеи, былъ еще слишкомъ далекъ отъ моего мирнаго образа мыслей, то я не могъ, подобно Бакунину, говорить съ удовольствіемъ объ этихъ вопросахъ. Однако, я не могъ и не хотѣлъ противорѣчить его симпатіямъ, и это еще болѣе усиливало его революціонныя стремленія, которыя, какъ уже сказано, направлялись къ измѣненію не только политическаго, но и общественнаго строя; даже самъ Прудонъ, который въ своей книгѣ: *что такое собственность?* бросилъ перчатку буржуазіи, не пренебрегалъ совѣтами Бакунина, слывшаго тогда рѣшительнымъ гегельянцемъ.

Послѣ рѣчи, открыто держанной въ одномъ собраніи польскихъ эмигрантовъ [3]), гдѣ онъ открыто выразился— *не несмотря на то, что онъ русскій, а именно въ качествѣ русскаго* — противъ мѣръ, принятыхъ въ Петербургѣ по отношенію къ Польшѣ, ему, по просьбѣ русскаго правительства, было запрещено французскимъ правительствомъ дальнѣйшее пребываніе во Франціи [4]), и Гизо съ тѣмъ [illegible] казаніе [illegible] перестало биться въ ночь съ 3-го на 4-е [illegible]рацевъ. Бакунинъ возвратился въ Брюссель, куда къ нему легко могли доходить новости о всѣхъ парижскихъ событіяхъ; и когда, въ февралѣ слѣдующаго года, произошла въ Парижѣ революція, я встрѣтилъ его на другой же день утромъ въ обществѣ самыхъ возбужденныхъ монтаньяровъ въ одномъ погребкѣ Сентъ-Антуантскаго предмѣстья. Хотя восторженный характеръ русскаго эмигранта совсѣмъ не подходилъ къ сверженному правительству, однако и новое временное правительство Французской Республики настолько не было склонно предпринимать что либо съ нимъ вмѣстѣ, что, несмотря на подозрѣнія враждебной ему соціалистической партіи, которая старалась выдать его за посланнаго отъ русскаго правительства (эти подозрѣнія скоро были опровергнуты), оно сочло за лучшій способъ избавиться отъ него, пославъ его неоффиціально въ Берлинъ; тамъ, думалось, навѣрное его пламенная рѣчь очень поможетъ пропагандѣ революціи среди революціонныхъ кружковъ. Дѣйствительно онъ завелъ тамъ, насколько мнѣ извѣстно, дѣятельныя сношенія съ Вальдекомъ и его товарищами; я не знаю, принималъ ли онъ дѣятельное участіе въ берлинскомъ возстаніи 49 г. [5]), но его участіе въ революціи, вскорѣ происшедшей въ Дрезденѣ, внѣ сомнѣнія [6]), и потомъ еще долго передавались разсказы объ этомъ самые веселые и самые ужасные. Когда, при помощи Пруссіи, дрезденское возстаніе было усмирено и городъ взятъ, то предводители должны были сдаться, а нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и Бакунинъ, были заключены въ Хемницѣ и вскорѣ послѣ того переведены въ крѣпость Кенигштейнъ, гдѣ имъ предстояла смерть. Кажется, только извѣстный отказъ Бакунина просить о помилованіи задержалъ исполненіе судебнаго приговора: впрочемъ, можетъ быть этому препятствовали и политическія соображенія, и судъ приговорилъ его только къ пожизненному заключенію въ крѣпости [7]). Но черезъ годъ этотъ приговоръ былъ замѣненъ выдачей на австрійскую территорію по требо-

---

[1]) Между прочимъ, это „безопасное убѣжище" было непродолжительнымъ. Русскій посолъ въ Швейцаріи, А. Ф. Струве, извѣщалъ правительство Николая I о революціонной дѣятельности Бакунина по агентурнымъ свѣдѣніямъ, доставлявшимся швейцарской полиціей. Вскорѣ Бакунинъ предпочелъ отказаться отъ швейцарскаго „гостепріимства". Ред.

[2]) Рейхель имѣетъ въ виду статью „О реакціи въ Германіи", появившуюся въ №№ 247—251 „Halle'sche Jahrbücher за подписью Jules Elisard. Ред.

[3]) 29 ноября 1847 г., на банкетѣ въ 17-ю годовщину польскаго возстанія. Ред.

[4]) Бакунинъ былъ высланъ изъ Франціи по настоянію русскаго посла Киселева. Ред.

[5]) Въ этомъ возстаніи Бакунинъ участія не принималъ. Ред.

[6]) Въ Дрезденскомъ возстаніи 5—9 мая 1849 г. Бакунинъ, по свидѣтельству Драгоманова, игралъ „видную, чуть не диктаторскую роль". Ред.

[7]) Здѣсь Рейхель допускаетъ неточность: именно судъ приговорилъ Бакунина къ смертной казни, а королевскимъ указомъ приговоръ былъ замѣненъ пожизненнымъ заключеніемъ въ крѣпости. Затѣмъ въ маѣ 1850 г. Бакунинъ былъ въ цѣпяхъ отправленъ въ Прагу въ распоряженіе австрійскаго правительства, которое около года содержало его въ крѣпости въ Гречинѣ, а въ мартѣ 1851 г., напугавшись слуховъ о готовящемся будто бы насильственномъ освобожденіи, перевело его въ Ольмюцъ. Въ маѣ 1851 г. Бакунинъ былъ выданъ Россіи. Ред.

ванію тамошняго правительства, такъ какъ Бакунинъ обвинялся тамъ въ участіи въ пражскихъ волненіяхъ [8]). Я прилагаю къ настоящимъ запискамъ два письма, помѣченныхъ еще Кенигштейнской крѣпостью, которыя онъ мнѣ писалъ оттуда: несмотря на чувство безотраднаго одиночества видно, что съ нимъ обращались гуманно.

Послѣ перевода его въ одну крѣпость въ Моравіи, я не получалъ никакихъ извѣстій ни отъ него, ни о немъ, и только изъ смутныхъ слуховъ узналъ, что обращеніе съ нимъ было тамъ самое жестокое, какъ съ большимъ преступникомъ: у него обѣ руки были въ цѣпяхъ, что отнимало у него всякую свободу движеній. Это состояніе продолжалось до той минуты, когда онъ былъ выданъ русскому правительству по требованію послѣдняго, и когда, въ Шлиссельбургѣ, при варварскомъ вообще правленіи Николая, онъ нашелъ строгое обращеніе, но все таки болѣе человѣчное, чѣмъ то, которому онъ подвергался въ австрійской крѣпости. Николай дошелъ даже до того, что спросилъ у Бакунина откровеннаго мнѣнія, послѣ опыта, который онъ пріобрѣлъ заграницей, о состояніи революціонныхъ движеній. Арестантъ согласился удовлетворить эту просьбу съ обычной прямотой, но отказался наотрѣзъ сдѣлать какія бы то ни было сообщенія, могущія компрометтировать людей его партіи; такъ что Николай, на запискахъ Бакунина, собственноручно написалъ приказаніе держать подальше, подъ усиленной стражей этого умнаго и столь же опаснаго человѣка [9]). Что касается дальнѣйшихъ событій его жизни, то я отсылаю читателя къ сообщеніямъ Александра Герцена, помѣщеннымъ въ его воспоминаніяхъ: ему лучше, чѣмъ мнѣ, были извѣстны всѣ событія жизни Бакунина. Бакунину я обязанъ личнымъ знакомствомъ съ Герценомъ, — незадолго до французской революціи я присутствовалъ при первой встрѣчѣ двухъ самыхъ отважныхъ бойцовъ славянской революціи, на Бурбонской площади, гдѣ было мое жилище. Хотя Герценъ, при его несравненно большемъ политическомъ смыслѣ, и не могъ удовольствоваться понятіями Бакунина, которыя сводились къ разрушенію всего существующаго, и еще менѣе могъ согласиться съ ними, но благодаря своему ясному и проницательному взгляду онъ не могъ не чувствовать симпатіи къ этой замѣчательно даровитой натурѣ; никто не съумѣлъ лучше его дать такой поразительный образъ нѣсколькихъ чертъ его существа, несмотря на то, что эти бѣглые очерки занимаютъ такъ мало мѣста.

Когда въ апрѣлѣ 48 г., я провожалъ Бакунина на почту, въ обществѣ Эгьена Араго, тогда начальника управленія почтъ, я не предвидѣлъ, что потеряю надолго изъ виду моего стараго друга, и еще менѣе, что ему предстояли долгіе годы суроваго заключенія, самая мысль о которомъ еще и раньше всегда казалась ему самой ужасной перспективой. Однако же у него хватило силъ [illegible] страданій [illegible] чувствительную потерю здоровья [illegible]

Послѣ смерти императора Николая, мать Бакунина отъ своего имени старалась выпросить помилованіе для сына у Александра II, но напрасно. Согласно приказанію царя, Бакунинъ, правда, былъ выведенъ изъ Шлиссельбурга, но былъ сейчасъ же сосланъ въ самыя отдаленныя мѣста Сибири, въ Пріамурскій край. И во время путешествія онъ неожиданно увидалъ въ Томскѣ, у тетки моей жены, карточку друга, оставленнаго въ Парижѣ; это послужило ему поводомъ сообщить мнѣ о томъ, какъ съ нимъ обращались. Разсказъ о его побѣгѣ, къ счастію удачномъ, на американскомъ кораблѣ, отправлявшемся изъ Сибири, его пріѣздъ въ Лондонъ, его революціонная дѣятельность, за которую онъ сейчасъ же принялся и которую онъ посвятилъ, но еще безъ результата, освобожденію Польши, — все это описано у Герцена. Я же видѣлъ его въ первый разъ въ 68 году, въ Бернѣ, по случаю перваго Съѣзда Мира. Всѣ опасности и лишенія, какимъ онъ подвергался, казалось, не сломили силы его духа и воли, и хотя его внѣшній видъ не имѣлъ уже изящества и ловкости блестящаго артиллериста-гвардейца, но онъ придавалъ ему сходство съ пророкомъ или реформаторомъ, какъ мы привыкли видѣть ихъ на картинахъ. — Я нашелъ въ немъ несокрушимую отвагу и нравственную силу, и его ближайшая среда придавала нѣкоторымъ образомъ еще больше внушительности всей его фигурѣ. Изящество всей его одежды и внѣшнихъ пріемовъ, которыми онъ прежде щеголялъ, уступило, правда, мѣсто невѣроятной небрежности; но, въ общемъ, эта небрежность не менѣе шла пожилому человѣку, чѣмъ изящество молодому, и еще болѣе подчеркивала то достоинство, которымъ было проникнуто все его существо.

Изъ Берна Бакунинъ уѣхалъ, по закрытіи Съѣзда Мира, въ Тессинъ, куда раньше отправилась его жена, полька, на которой онъ женился въ Сибири. Одинъ итальянскій землевладѣлецъ, Карло Кафіеро, пламенный послѣдователь и приверженецъ соціалистической пропаганды, посвятившій свое большое состояніе коммунистическому предпріятію, соединился съ нимъ въ Лугано, гдѣ онъ основалъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, общество на началахъ общаго труда.

Впрочемъ, здоровье Бакунина было подорвано и его непреклонная воля могла поддержать только до 1876 г. его все болѣе слабѣвшее тѣло; и ясно предвидя свой близкій конецъ, онъ прибылъ въ іюнѣ этого года къ намъ, своимъ старымъ и самымъ дорогимъ друзьямъ, и какъ только пріѣхалъ, сказалъ Адольфу Фогту и мнѣ: „я пріѣхалъ къ вамъ умирать". Медицинское искусство нашего друга не могло остановить хода болѣзни; и хотя въ продолженіе почти сорока дней безпокойный духъ Бакунина былъ все время живымъ и дѣятельнымъ, такъ что послѣдніе его разговоры сохранили юношескій характеръ прошлыхъ годовъ, но мы скоро должны были оставить всякую надежду на его выздоровленіе, и 1 іюля онъ умеръ послѣ короткой, но сильной агоніи. Въ немъ мы схоронили глубоко страстную натуру, которая вся выразилась въ пламенной ненависти противъ всего, что безъ права ставило препятствія человѣческой свободѣ, благодаря примѣненію силы или по преданію. Это чувство, которое безпрестанно проявлялось возмущеніемъ, очень хорошо мирилось въ Бакунинѣ съ самыми нѣжными ощущеніями, поэтому въ немъ всегда жило пристрастіе къ музыкѣ, которое онъ сохранялъ всю жизнь и которое можетъ быть не мало было поддержано и воспитано нашей долгой совмѣстной жизнью. Онъ, говорившій не только хорошо, но и охотно, могъ слушать молча цѣлыми часами музыку; творенія Бетховена, самыя трогательныя и страстныя, производили на него самое живое впечатлѣніе. Но онъ не былъ безчувственъ и къ другимъ душевнымъ движеніямъ, если только они выражали чисто человѣческія чувства. Еще въ тотъ вечеръ, когда онъ въ послѣдній разъ прибылъ изъ Лугано, онъ пришелъ ко мнѣ [illegible] въ т[illegible] когда уси[illegible] опять схв[illegible]а его внезапно, онъ вскричалъ: „довольно, не могу [illegible]ольше!" И я долженъ былъ проводить его въ ближайшую больницу, изъ которой ему не пришлось уже выйти.

Я сожалѣю, что у меня нѣтъ въ рукахъ подробнаго отчета о его послѣднихъ дняхъ, написаннаго мною для Карло Кафіеро, такъ какъ теперь я не въ состояніи вспомнить всего изъ нашихъ разговоровъ, что могло бы возбудить нѣкоторый интересъ въ другихъ. Какъ всѣ натуры, расположенныя къ предпріятіямъ и абсолютнымъ дѣйствіямъ, онъ не могъ переносить никакого сужденія или соображенія, очевидно парализовавшаго его непосредственную силу дѣйствія. Я помню, какъ въ прежнее время я спрашивалъ его въ видѣ возраженія, что онъ намѣренъ дѣлать, если бы исполнились всѣ его реформаторскіе планы? Онъ отвѣтилъ мнѣ: „Тогда я все опрокину! А ты играй, милый другъ, и не разсуждай! Ты знаешь не хуже меня, что передъ вѣчностью все тщетно и ничтожно". И послѣ этого онъ могъ совершенно погрузиться въ музыку, которая не позволяла никакого вопроса и не требовала отвѣтовъ. Онъ имѣлъ такую вѣрную память, что послѣ нашей долгой разлуки могъ напомнить мнѣ мелодіи, о которыхъ я давно забылъ. Онъ утверждалъ, что часто, въ тюремномъ уединеніи, эти мелодіи утѣшали его и оживляли. И какъ музыкальныя впечатлѣнія оставались вѣрно въ его памяти, такъ же неизмѣнно удерживалъ онъ отношенія съ людьми, связанными съ нимъ дружбой; и они тоже въ разлукѣ съ нимъ сохраняли къ нему любовь и привязанность.

На Бернскомъ кладбищѣ, близъ Брунгартенвальда, возвышается камень, поставленный семействомъ Фогтовъ надъ могилой, гдѣ погребено его безпокойное тѣло, и моя дорогая жена охраняетъ могилу, насколько ея неспокойная жизнь позволяетъ ей выбирать время, чтобы вспоминать о тѣхъ, кого уже нѣтъ.

Хотя въ прежнія времена могли высказываться только отношенія личной дружбы, существовавшія между нами, но это не исключало того, чтобы меня сильно поражали общія истины, которыми блисталъ умъ Бакунина, и если я желаю, чтобы сообщенія объ особенностяхъ его жизни были записаны съ талантомъ, то при этомъ я надѣюсь, что такая работа не будетъ подчинена партійному духу, всегда принимающему во вниманіе только одну сторону дѣла, а что она будетъ представлять очеркъ, въ которомъ образъ его жизни не останется слишкомъ въ тѣни, и въ которомъ будетъ поставлено на видъ въ качествѣ дѣйствительнаго значенія его воли и дѣятельности, — стремленіе къ общему благу и праву, за которое страдалъ всегда восторженный Бакунинъ.

Адольфъ Рейхель.

---

[8]) Бакунинъ прибылъ въ Прагу изъ Бреславля для участія въ Славянскомъ конгрессѣ. Но еще до окончанія конгресса, 12 іюня 1848 г., въ Прагѣ началось возстаніе, однимъ изъ руководителей котораго онъ былъ. Ред.

[9]) По свидѣтельству Драгоманова, Николай I пожелалъ получить отъ Бакунина записку *о славянскихъ дѣлахъ*. Прочитавъ эту записку, Николай сказалъ: „онъ умный, хорошій малый, но опасный человѣкъ, и его надобно держать взаперти".

Самъ Бакунинъ, въ письмѣ къ Герцену отъ 3 декабря 1860 г., писанномъ уже изъ Иркутска, куда онъ былъ переведенъ на поселеніе, такъ излагаетъ этотъ фактъ: „Поблагодаривъ государя въ приличныхъ выраженіяхъ за снисходительное вниманіе, я прибавилъ: „Государь, вы хотите, чтобы я писалъ вамъ свою исповѣдь. Хорошо, я напишу ее. Но вамъ извѣстно, что на духу никто не долженъ каяться въ чужихъ грѣхахъ. Послѣ моего кораблекрушенія у меня осталось только одно сокровище, — честь, — и сознаніе, что я не измѣнилъ никому изъ довѣрившихся мнѣ, и потому я никого называть не стану". Послѣ этого, за нѣкоторыми исключеніями, я разсказалъ Николаю всю свою жизнь заграницею, со всѣми замыслами, впечатлѣніями и чувствами, причемъ не обошлось для него безъ многихъ поучительныхъ замѣчаній насчетъ его внутренней и внѣшней политики. Письмо мое, разсчитанное впрочемъ на ясность моего повидимому безвыходнаго положенія, съ другой же (стороны) на энергическій нравъ Николая, было написано очень твердо и смѣло и именно потому ему очень понравилось. За что я ему дѣйствительно благодаренъ, это — что онъ по полученіи его ни о чемъ болѣе меня не допрашивалъ".

Когда Николай I умеръ, Бакунинъ сталъ живѣе надѣяться на освобожденіе, но Александръ II собственноручно вычеркнулъ его изъ списка амнистированныхъ и сказалъ его матери, ходатайствовавшей о его освобожденіи: „Знайте, сударыня, что пока вашъ сынъ живъ, онъ никогда не можетъ быть свободнымъ". Такое безапелляціонное рѣшеніе было принято Александромъ II на основаніи все той же вышеупомянутой „записки" Бакунина, по ознакомленіи съ которой онъ говорилъ своимъ окружающимъ, что въ ней „нѣтъ никакого раскаянія". Бакунинъ вышелъ изъ Шлиссельбургской крѣпости только въ мартѣ 1857 г. и въ апрѣлѣ былъ переведенъ въ Томскъ. „Дуракъ, захотѣлъ раскаянія!", впослѣдствіи говорилъ онъ по поводу этой претензіи Александра II. Ред.

ЭЛИЗЭ РЕКЛЮ

Элизэ Реклю родился 15 марта 1830 года въ департаментѣ Жиронды, въ Сентъ-Фуала-Грандъ. Его отецъ, протестантскій пасторъ, былъ въ высшей степени замѣчательный человѣкъ, онъ принадлежалъ къ той самой крѣпкой и сильной породѣ людей, которая когда то долгіе годы отстаивала въ этой мѣстности свое право вѣрить иначе, чѣмъ велитъ церковь; всю жизнь онъ не переставалъ любить согнувшагося надъ землею крестьянина. Когда ему было 70 лѣтъ, онъ однажды увидалъ, какъ молодой крестьянинъ хоронитъ въ полѣ умершую отъ карбункула лошадь. „Ты молодъ, сказалъ ему старикъ, и рискуешь жизнью, а я старъ. Иди домой, я похороню лошадь". Крестьянинъ отказался, тотъ сталъ настаивать. Цѣлый день онъ проработалъ съ заступомъ одинъ; къ вечеру лошадь была похоронена.

Мать Реклю была также женщина замѣчательная. Всю жизнь она была школьной учительницей; когда ей было уже подъ 70 лѣтъ, она замѣтила, что въ ея образованіи есть пробѣлъ: что она не знаетъ физики. Она добросовѣстно принялась за изученіе ея и черезъ годъ уже преподавала ее своимъ ученикамъ.

Семья была большая, двѣнадцать человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ Эли былъ старшій, а Элизэ второй; жить приходилось въ бѣдности. Отъ этого то времени и сохранилось у Элизэ особое уваженіе къ хлѣбу, часто бывшему его единственной пищей во дни юности. Онъ всегда охотно питался имъ и впослѣдствіи; кусокъ хлѣба и какое нибудь яблоко или немного винограда — этого было ему достаточно, чтобы жить и работать.

Университетскій курсъ онъ началъ въ Монтобанѣ на протестантскомъ факультетѣ. Отецъ хотѣлъ сдѣлать изъ него пастора. Но онъ скоро освободился отъ религіозныхъ предразсудковъ и вмѣстѣ съ братомъ Эли отправился въ Берлинъ, гдѣ великій географъ Карлъ Риттеръ привлекалъ тогда жаждующую знанія молодежь своимъ широкимъ и глубокимъ обобщеніемъ относительно жизни Земли и ея обитателей. Часть дороги они прошли пѣшкомъ, въ сопровожденіи собаки, которой по вечерамъ предоставляли имѣвшійся супъ, а сами довольствовались однимъ хлѣбомъ.

Я не знаю, гдѣ былъ Элизэ во время революціи 1848 г., но какъ бы то ни было, послѣ декабрьскаго переворота 1851 года оба брата должны были покинуть Францію.

Шесть лѣтъ Элизэ провелъ въ путешествіяхъ.

Онъ жилъ въ Ирландіи и тамъ со свойственной ему страстностью сталъ на защиту ирландскаго народа, у котораго англичане отняли землю и убили мѣстные сельскіе промыслы. Онъ странствовалъ по деревнямъ, познакомился съ ирландскимъ народомъ въ его ежедневной голодной и несчастной жизни и полюбилъ его навсегда.

Затѣмъ онъ отправился въ Соединенные Штаты, а оттуда въ Колумбію и Гвіану, — путешествіе, о[illegible] имъ въ прелестной маленькой книжкѣ: „Путеш[illegible]ствіе въ Сьеру Неваду де Сенъ-Мартъ", и впервые наведшее его на замѣчательныя обобщенія, впослѣдствіи высказанныя имъ въ его „Землѣ". Изъ этого же путешествія онъ вынесъ ненависть къ рабству и любовь къ чернымъ расамъ, униженнымъ и угнетеннымъ бѣлыми.

Въ 1857 году онъ возвращается во Францію. Въ Европѣ это былъ моментъ зарожденія того обширнаго движенія, которое повело къ возстанію Гарибальди, освобожденію части Италіи, отмѣнѣ крѣпостного права въ Россіи; Соединенные Штаты начали ту агитацію, которая вскорѣ навсегда уничтожила проклятое рабство; одновременно съ этимъ, между 1854 и 1862 годами, естествознаніе вступило въ тотъ періодъ расцвѣта, который совершенно преобразовалъ всю современную науку.

Элизэ Реклю отозвался на это двойное теченіе мысли, гуманитарное и научное. Онъ сумѣлъ заинтересовать французовъ начавшимся въ Америкѣ движеніемъ въ пользу уничтоженія рабства. Онъ вошелъ и въ антиимперіалистское движеніе, возникшее во Франціи въ 60-хъ годахъ, и принималъ участіе въ заговорахъ того времени противъ Имперіи.

Но въ это же время стало зарождаться и новое движеніе, — движеніе французскаго пролетаріата, которому суждено было разбудить пролетаріатъ всего міра; Элизэ принялъ съ самаго начала въ немъ участіе. Съ 1865 г., даже съ первыхъ предварительныхъ собраній въ 1864 г., Элизэ Реклю принадлежалъ къ Интернаціоналу. Задолго до основанія бакунинскаго Союза, онъ входилъ въ составъ Тайнаго Общества, основаннаго Бакунинымъ въ Италіи въ 1864 году подъ именемъ Международнаго Братства и распущеннаго въ 1869 году. Въ сущности Элизэ былъ коммунистомъ гораздо раньше основанія Интернаціонала (его братъ Эли, убѣжденный фурьеристъ, издавалъ во время Имперіи фурьеристскую газету); великое Международное Общество только открыло французскимъ коммунистамъ, въ томъ числѣ и Элизэ, новое, интернаціональное поле дѣятельности. Если не ошибаюсь, во время своего второго пребыванія въ Англіи, куда ему пришлось бѣжать во время Имперіи, онъ нѣкоторое время принадлежалъ къ Генеральному Совѣту Интернаціонала, или, по крайней мѣрѣ, принималъ участіе въ нѣкоторыхъ его трудахъ.

Къ концу Имперіи мы находимъ Элизэ въ Парижѣ, гдѣ въ 1867—68 годахъ выходитъ его громадный трудъ „Земля", первый томъ котораго, „Суша", сразу поставилъ его на одинъ уровень съ первыми географами нашего вѣка.

Какъ все, что писалъ Элизэ, этотъ трудъ отличается удивительной красотой. Отъ начала до конца способъ изложенія общихъ взглядовъ, какъ и описаніе тѣхъ или

другихъ чертъ природы, обладаютъ такой силой, красотой и законченностью, какой мы не встрѣчаемъ, за исключеніемъ Александра Гумбольдта, нигдѣ во всей литературѣ нашего вѣка. Разъ мнѣ случилось разсказать Элизэ, какъ я однажды въ Мадридѣ наслаждался произведеніями Мурильо, и какъ мнѣ пришла въ голову мысль: почему красота переживаетъ цѣлые вѣка? „Красота? отвѣтилъ онъ, красота — это *идея, продуманная во всѣхъ подробностяхъ*". Съ тѣхъ поръ, когда мнѣ приходилось читать написанную имъ страницу, я вспоминаю это опредѣленіе. „Мадонна" Мурильо не была бы *прекрасна*, если бы каждая подробность въ ней — руки, волосы, даже складки платья — не согласовалась съ основной идеей картины: экстазомъ чистой любви. Точно также написанная Элизэ страница потеряла бы свою *красоту*, если бы основная идея не была такъ глубоко продумана во всѣхъ подробностяхъ, что каждая черта въ ней, каждая второстепенная мысль какъ бы обрамляетъ и усиливаетъ главную мысль страницы, главы, брошюры или книги.

* * *

Пришла война 1870—71 года, осада Парижа, Коммуна. Элизэ Реклю записался въ отрядъ воздухоплавателей, руководимый его близкимъ другомъ, фотографомъ Надоромъ, и помогалъ ему въ организаціи этого предпріятія, удивительнаго для своего времени, при помощи котораго осажденный Парижъ могъ поддерживать правильныя сношенія съ провинціями.

Но событія быстро смѣняли другъ друга. Революціонная и соціалистическая энергія, накопившаяся во Франціи и особенно въ Парижѣ въ послѣдніе годы Имперіи, не могла растратиться даромъ, не могла не заявить о себѣ во всеуслышаніе, не намѣтить, по крайней мѣрѣ, пути для будущаго. И вотъ въ Парижѣ разразилась революція 18 марта.

Элизэ, всегда ненавидѣвшій всякіе чины, всегда чувствовавшій себя сыномъ народа, подалъ въ ней настоящій примѣръ всѣмъ. Въ то время какъ вожди бланкистовъ и якобинцевъ занимали должности въ правительствѣ возставшаго города, когда даже федералисты Интернаціонала соглашались быть назначенными въ Совѣтъ Коммуны, Элизэ взялъ ружье и остался въ рядахъ простыхъ коммунаровъ. Его братъ Эли, большой поклонникъ древняго искусства, поступилъ подъ начальство Вальяна и, во время бомбардировки и пожаровъ, подъ огнемъ версальцевъ спасалъ сокровища Лувра и Національной Библіотеки, пряча ихъ въ погребахъ.

Съ самаго начала Коммуна задумала сдѣлать вылазку на Версаль, которая произошла въ первой половинѣ апрѣля. Элизэ принялъ въ ней участіе съ оружіемъ въ рукахъ. На Шатильонской возвышенности онъ былъ взятъ въ плѣнъ и испилъ до дна чашу физическихъ страданій и оскорбленій, уготованную своимъ плѣнникамъ торжествующей буржуазіей.

...„Когда мы входили въ Версаль, впослѣдствіи разсказывалъ онъ, толпа буржуа, подъ руку со своими дамами, осыпала насъ всевозможными оскорбленіями, въ то время какъ мы со связанными руками проходили мимо нихъ. Одинъ человѣкъ (казалось, что я узналъ въ немъ одного изъ членовъ Географическаго Общества) воскликнулъ: „Ахъ, негодяй!" и сильно ударилъ меня кулакомъ въ затылокъ. Его дама стала бить меня зонтикомъ... Затѣмъ.... послѣ страшнаго утомленія предшествующей ночи я упалъ въ обморокъ... Затѣмъ — всѣ ужасы Саторійской равнины... часовые, стрѣляющіе въ упоръ въ каждаго, кто осмѣливался встать, потому что слишкомъ утомительно было все время сидѣть въ грязи... ежедневно уводимые на разстрѣлъ плѣнные... Затѣмъ Брестъ. Только въ тюрьмѣ Монъ-Сенъ-Мишель удалось, наконецъ, немного передохнуть".

Между тѣмъ ученые всей Европы, особенно въ Англіи, взволновались. Дарвинъ, Уолессъ, В. Карпентеръ и многіе другіе подписали петицію, въ которой просили освобожденія знаменитаго географа, въ ноябрѣ 1871 года приговореннаго къ ссылкѣ. Въ 1872 г. приговоръ былъ смягченъ, ссылка замѣнена изгнаніемъ изъ Франціи, и Элизэ могъ отправиться въ Цюрихъ, къ своему брату Эли.

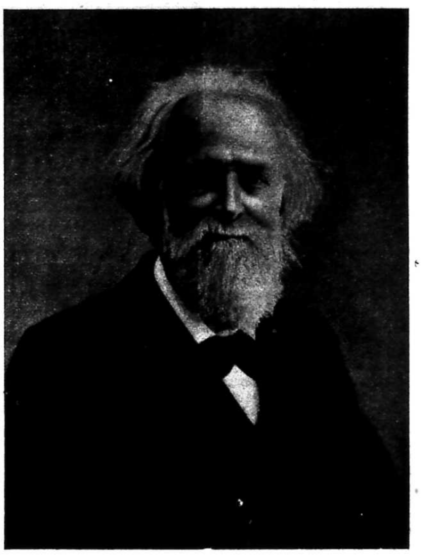
Тогда то онъ и написалъ прекраснѣйшее, можетъ быть, изъ всѣхъ своихъ произведеній, „Исторію одной горы"; въ немъ онъ благодарилъ горы за оказанную ему услугу, за то, что онѣ помогли ему возстановить душевное равновѣсіе послѣ всего, что ему пришлось пережить и перестрадать. Элизэ Реклю въ этомъ отношеніи вполнѣ сходится съ Гете: какъ для того, такъ и для другого вся природа живетъ; гора, ручей, лѣсъ для нихъ — братья и сестры человѣка.

* * *

Въ 1872 г., въ Кларанѣ, онъ началъ свой главный трудъ, „Всемірную географію", первый томъ которой вышелъ въ 1876 году, а послѣдній, девятнадцатый, восемнадцать лѣтъ спустя, въ 1894 г.

Какъ громаденъ этотъ трудъ, видно изъ того, что для каждаго тома, заключающаго въ себѣ около 800 страницъ, Реклю перечитывалъ до 1000 книгъ и статей. Иногда статья или книга перечитывалась только для того, чтобы имѣть въ первоначальномъ текстѣ какой нибудь эпитетъ, чтобы поставить на мѣсто его другой, удачнѣе характеризующій тотъ или иной народъ, ту или иную долину или равнину. Трудно себѣ представить, какимъ образомъ удавалось Элизэ совмѣщать такія великолѣпныя обобщенія съ такимъ безчисленнымъ множествомъ мелкихъ художественныхъ чертъ — веселыхъ, мрачныхъ или величественныхъ, но всегда поэтическихъ, — чертъ, которыя въ каждомъ изъ этихъ томовъ встрѣчаются въ такомъ изобиліи, что нельзя себѣ представить для путешественника болѣе пріятнаго спутника. Если же мы вспомнимъ, что ежегодно выходило по одному тому, а каждый томъ выходилъ выпусками, никогда не пропуская ни одной недѣли, то мы будемъ поражены, какимъ образомъ могъ одинъ человѣкъ совершить такой громадный трудъ. А между тѣмъ во всемъ этомъ огромномъ сочиненіи нѣтъ ни строчки, которая бы не была написана его рукой, — какъ въ первоначальной рукописи, въ которой были намѣчены общіе контуры работы, такъ и въ безчисленныхъ добавленіяхъ къ корректурамъ во время печатанія первой рукописи.

Особенно хороши у Элизэ описанія какъ крупныхъ націй, такъ и безчисленныхъ мелкихъ народностей. Казалось бы, что въ такихъ описаніяхъ повторенія неизбѣжны, а между тѣмъ — нисколько! Говоря даже о какомъ нибудь мельчайшемъ племени, онъ всегда умѣлъ найти нужныя слова, чтобы внушить читателю мысль, что люди всѣ равноцѣнны и что не существуетъ ни высшихъ, ни низшихъ расъ.



ЭЛИЗЭ РЕКЛЮ

(183[illegible]

[illegible]ъ нашествія [illegible]

* * *

Мы познакомились съ Элизэ въ Кларанѣ же и скоро всѣ полюбили его, часто встрѣчаясь съ нимъ на митингахъ, конгрессахъ и собраніяхъ „Юрской Федераціи". Рядомъ съ „Бюллетенемъ", органомъ Федерація, Реклю основалъ вмѣстѣ съ Лефрансэ и Жуковскимъ ежемѣсячный журналъ „Работникъ" (Le Travailleur). Затѣмъ, когда въ Женевѣ основался „Le Revolté", онъ присоединился къ намъ. Чтобы помочь намъ, онъ не брезгалъ никакой, даже самой маленькой работой. А когда впослѣдствіи анархическое движеніе вылилось въ болѣе рѣзкія формы, онъ не остановился на полдорогѣ, а принялъ его со всѣми его послѣдствіями. Онъ умѣлъ такъ же сильно ненавидѣть, какъ и любить, и онъ ненавидѣлъ буржуазное царство. Поэтому движеніе, развившееся тогда въ окрестностяхъ Ліона, пользовалось полной его симпатіей. Онъ, неспособный ни на какое насиліе, понималъ, что для освобожденія рабочихъ необходимо, чтобы акты насилія разбудили массу, чтобы между эксплуатируемыми и эксплуататорами произошла грандіозная битва.

Поэтому, какъ только газетѣ „Le Revolté" стали грозить преслѣдованія, Элизэ предоставилъ всѣ свои силы въ распоряженіе женевскихъ друзей, продолжавшихъ изданіе, послѣ моего ареста. Въ то время въ „Le Revolté" было помѣщено много его статей; тогда же онъ прочиталъ въ Женевѣ свою лекцію объ „Эволюціи и Революціи", которая своими анархическими выводами скандализировала его многочисленныхъ друзей и ученыхъ поклонниковъ.

Онъ попрежнему оставался „коммунаромъ". И когда позднѣе, въ 90-хъ годахъ, столько людей, испугавшись парижскихъ бомбъ и возникшихъ въ нашей средѣ теорій, отрицающихъ буржуазную нравственность, поспѣшили отойти въ сторону, Элизэ Реклю остался тамъ, гдѣ былъ. Онъ занялъ мѣсто среди тѣхъ, кого правительство и правительственные соціалисты ставили внѣ закона, и сдѣлалъ это такъ хорошо, такъ открыто, такъ откровенно, что всевозможные правители, эксплуатировавшіе въ это время французскую республику, воспылали непримиримой ненавистью ко всей семьѣ Реклю, — по крайней мѣрѣ къ революціонной ея вѣтви.

Поль Реклю былъ включенъ въ число подсудимыхъ „процесса 30-ти". Его старикъ-отецъ, Эли, былъ арестованъ, отведенъ въ полицію, обысканъ и подвергнутъ той процедурѣ измѣренія, которую лжеученые негодяи называютъ на своемъ жаргонѣ „антропометріей"... Элизэ не былъ арестованъ только потому, что его не было въ Парижѣ, но „друзья порядка" не пожалѣли для него ни желчи, ни инсинуацій. Печально было въ это время положеніе Франціи. Что перестрадалъ Элизэ, видя, какъ не только всякаго рода буржуи, но и французскій народъ и даже парижскій рабочій валяются у ногъ Александра III и восхищаются при видѣ улыбки императрицы; что пережилъ онъ, видя, какъ близка къ успѣху послѣдняя попытка монархистовъ, когда Буланже едва-едва не добился диктатуры и потерпѣлъ неудачу только благодаря недостатку энергіи у самого претендента..., что пережилъ онъ, видя, какъ низко пала его прекрасная Франція, которую онъ такъ любилъ, — этого онъ не говорилъ никому. Но мы догадывались объ этомъ по отдѣльнымъ словамъ его писемъ, по нѣкоторымъ фразамъ, вырывавшимся у него во время его краткихъ посѣщеній Лондона.

Онъ окончательно покинулъ Францію и поселился въ Брюсселѣ. И только тогда, когда совѣсть французскаго народа стала снова просыпаться, во время дѣла Дрейфуса, онъ рѣшился вновь посѣтить родную страну.

* * *

Тѣмъ временемъ онъ основалъ въ Брюсселѣ дѣйствительно свободный университетъ, такой, какіе будутъ существовать въ Европѣ, возрожденной соціальной революціей. Въ этомъ университетѣ Эли Реклю прочелъ замѣчательный курсъ (болѣе ста лекцій) о происхожденіи религіозныхъ понятій и религій, а Элизэ читалъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ лекціи о развитіи человѣческихъ обществъ подъ вліяніемъ различной географической среды. Эти лекціи, которыя приводятъ, какъ къ научно-необходимому выводу, къ Анархіи, составляютъ три большихъ тома „Земля и Человѣкъ", которые недавно начали печататься въ Парижѣ.

Элизэ Реклю закончилъ этотъ трудъ весною 1904 года. Энергія, до тѣхъ поръ сохранявшаяся въ немъ несмотря на сердечную болѣзнь, первые признаки которой появились въ 1880 году, стала видимо падать. Смерть брата Эли глубоко поразила его. Мы боялись тогда потерять его. Сердце останавливалось почти каждую ночь. И все таки, въ промежуткахъ между тяжелыми припадками, какъ только онъ чувствовалъ нѣкоторый приливъ силъ или видѣлъ кого-нибудь изъ молодыхъ друзей, онъ всегда возвращался къ великой идеѣ, вдохновлявшей всю его жизнь, — къ Анархіи. Первые симптомы пробужденія Россіи, которые были видны уже тогда, доставляли ему величайшую радость. Онъ видѣлъ въ нихъ начало соціальной революціи, которая, онъ зналъ, не ограничится одной Россіей, а охватитъ своимъ пламенемъ всю Европу.

Послѣ январьской бойни въ Петербургѣ у него еще хватило силъ пріѣхать въ Парижъ и говорить нѣсколько минутъ, чтобы привѣтствовать первые лучи русской народной революціи. Но уже тогда было видно, что хотя умъ его и сохраняетъ прежнюю ясность и энергію, сердце уже не способно къ поддержанію жизнен[illegible] этотъ разъ [illegible] перестало биться въ ночь съ 3-го на 4-е іюля 1905 г.

* * *

Анархизмъ уже выдвинулъ цѣлый рядъ фигуръ высокой духовной красоты. Элизэ Реклю былъ одною изъ самыхъ поразительныхъ, самыхъ яркихъ изъ нихъ. Все въ немъ содѣйствовало этому. Очень часто мы встрѣчаемъ людей, революціонеровъ по мысли, но о которыхъ приходится поставить вопросъ: сумѣютъ ли они приспособиться въ свое время къ первымъ моментамъ соціальной революціи, когда придется отказаться отъ многихъ привычекъ праздной жизни или жизни эксплуататоровъ менѣе выгодныхъ ремеслъ и профессій, какими являемся всѣ мы, люди профессій привиллегированныхъ? Сумѣютъ ли они ужиться съ равенствомъ, безъ котораго соціальная революція невозможна? Гдѣ найдутъ они въ своемъ умѣ, привыкшемъ стремиться къ господству, ту терпимость къ чужимъ мнѣніямъ, рядомъ съ страстной любовью къ своимъ собственнымъ принципамъ, то чувство равенства, которое составляетъ сущность анархизма? Гдѣ возьмутъ они способность понять даже различныя уклоненія ума и чувства, уклоненія, которыя становятся элементами прогресса въ эпохи, когда наступаютъ „сумерки кумировъ", когда разрушается отжившій порядокъ вещей?

Относительно Элизэ Реклю не могло быть на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Онъ былъ анархистомъ до самыхъ сокровенныхъ глубинъ мысли, до тончайшихъ фибръ своего существа. Ему было бы достаточно сухого хлѣба, чтобы пережить революціонный кризисъ и продолжать работать надъ построеніемъ будущаго, которое дастъ богатство всѣмъ. Несмотря на успѣхъ его сочиненій, онъ сумѣлъ остаться бѣднымъ, совершенно бѣднымъ человѣкомъ. Мысль о господствѣ надъ кѣмъ бы то ни было, повидимому, никогда не зарождалась въ его умѣ: къ малѣйшимъ признакамъ такихъ стремленій онъ относился съ ненавистью. Наконецъ для него, такъ хорошо изучившаго всѣ племена, разсѣянныя по земному шару и указывающія намъ на различныя фазы развитія, пережитыя человѣчествомъ, — для него, который могъ окинуть умственнымъ взоромъ весь длинный мартирологъ человѣчества, — анархія была не одной только завѣтной мечтой, она была конечнымъ выводомъ, краеугольнымъ камнемъ какъ исторіи человѣчества, такъ и науки, цѣлью, поставленной съ такой же необходимостью, какъ та звѣзда, къ которой направляется наша солнечная система. А такъ какъ природа, которую онъ любилъ, какъ любили ее Гейне и Шелли, была въ его глазахъ обусловлена исключительно физической необходимостью, то его никогда не могли увлечь въ сторону никакіе предразсудки, — результатъ страха передъ воображаемымъ другимъ міромъ.

Мало того: для него идеалъ долженъ былъ осуществляться сейчасъ же. Лицемѣріе деспота или честолюбца, говорящаго: „все это прекрасно завтра, а пока будемъ царствовать“, — это лицемѣріе было ему совершенно незнакомо. Разъ изученіе природы, исторіи, человѣка подъ всѣми градусами широты и во всѣ времена, привело его къ заключенію, что человѣкъ, какъ видъ или индивидуумъ, есть продуктъ среды; разъ онъ понялъ Анархію въ смыслѣ прогрессивной силы во все продолженіе жизни человѣчества, — она сдѣлалась для него не словомъ только и не простымъ пожеланіемъ для отдаленнаго будущаго. Онъ видѣлъ въ Анархіи возможность для людей теперь же жить наилучшимъ образомъ, не стремясь господствовать другъ надъ другомъ. Самъ онъ проводилъ ее въ жизнь и если бы ему вновь пришлось очутиться въ возставшей Коммунѣ, его девизомъ была бы Анархія, открытая, послѣдовательная, смѣлая и, потому самому, торжествующая.

П. Кропоткинъ.

БАКУНИНЪ и МАРКСЪ.

(Личныя характеристики).

Если большинство читающей публики имѣетъ очень неправильное и въ высшей степени одностороннее представленіе объ Интернаціоналѣ и вліяніи въ немъ анархической идеологіи, то такое же неправильное представленіе она имѣетъ и объ анархизмѣ вообще и, въ частности, о Михаилѣ Бакунинѣ. Происходитъ это оттого, что до послѣдняго времени почти не было написано безпристрастныхъ трудовъ объ Интернаціоналѣ. На русскомъ языкѣ о немъ имѣется очень незначительное количество сочиненій въ специфически соціальдемократическомъ изложеніи, среди которыхъ почетнѣйшее мѣсто занимаетъ бездарный трудъ г. Іекка, мѣстами переходящій въ пасквиль. Объ анархизмѣ имѣется много хорошей литературы, но, къ сожалѣнію, очень распространено также псевдо-научное, вѣрнѣе — шарлатанское изложеніе его основъ, принадлежащее другому соціальдемократическому пасквилянту, господину Плеханову. Этотъ рыцарь печальнаго образа, нынѣ благополучно перебравшійся въ крайній правый лагерь международной клики оппортунистовъ, является въ буквальномъ смыслѣ слова заплечныхъ дѣлъ мастеромъ по отношенію къ анархизму. „Анархистъ, говоритъ онъ, перефразируя своего нѣмецкаго единомышленника В. Либкнехта, такой человѣкъ, который (если только это не сыщикъ) всюду и всегда достигаетъ противоположнаго тому, къ чему онъ стремится.“[1]) Въ другомъ мѣстѣ своей „съ позволенія сказать брошюры“, этотъ „теоретикъ“ поучаетъ: „Но куда идутъ анархисты со своей боязнью парламентскаго соблазна? Къ прославленію воровства, къ геройскимъ поступкамъ Дюваля и Равашоля, совершавшихъ во имя „дѣла“ подлыя и отвратительнѣйшія преступленія“.[2]) И дѣлаетъ отсюда выводъ: „Мы не будемъ спрашивать о томъ, что останется отъ анархиста, рѣшительно отказавшагося отъ тактики покушеній.“[3])

Іеккъ, говоря о Бакунинѣ и анархистахъ вообще, прикидывается такимъ же дурачкомъ и Иваномъ-Непомнящимъ и прибѣгаетъ къ точно такимъ же нечистоплотнымъ пріемамъ. „Кто такой былъ Бакунинъ? — спрашиваетъ этотъ „историкъ“ Интернаціонала. — По описаніямъ лицъ, знавшихъ его, онъ обладалъ наружностью, которая мало располагала къ довѣрію“.[4]) И это называется — писать исторію! Даже Каутскій, написавшій предисловіе къ книгѣ Іекка, краснѣетъ за его „односторонность“ и слагаетъ съ себя моральную отвѣтственность за нее въ сл[illegible] выраженіяхъ: „Не осо[illegible] Іекка къ французскимъ членамъ Интернаціонала и въ другихъ случаяхъ. На прудонистовъ онъ нападаетъ вообще рѣзче, чѣмъ они того заслуживаютъ... То, что было бы непростительной глупостью теперь, ... сорокъ лѣтъ тому назадъ могло быть дѣломъ весьма почтеннымъ“.[5])

Мы не можемъ въ газетной статьѣ останавливаться на всѣхъ намѣренныхъ искаженіяхъ и злостныхъ инсинуаціяхъ, которыми, по отношенію къ анархизму и анархистамъ, обезславили себя различные болѣе или менѣе видные вице-оберъ-унтеръ-Марксы. Укажемъ лишь, что это — первородный грѣхъ, унаслѣдованный соціальдемократами по законамъ прямой наслѣдственности отъ самого Маркса.

Бакунинъ и Марксъ были различны не только по своему міровоззрѣнію, но и по характеру. Бакунинъ былъ мягокъ, чувствителенъ къ дружбѣ, всегда откровененъ, довѣрчивъ и прямъ и ненавидѣлъ интриги. Марксъ, наоборотъ, былъ вспыльчивъ, самодоволенъ, не выносилъ противорѣчій и не останавливался передъ средствами для устраненія своихъ противниковъ. Политическая честность, бывшая характерной для Бакунина, замѣнялась политической нечистоплотностью у Маркса. Для характеристики приведемъ нѣсколько мѣткихъ словъ изъ разсказа Анненкова о встрѣчѣ съ Марксомъ въ Брюсселѣ въ 1847 году. „Марксъ уже и не говорилъ иначе, какъ безапелляціонными приговорами, надъ которыми царствовала еще одна, до боли рѣзкая нота, покрывавшая все, что онъ говорилъ. Нота выражала твердое убѣжденіе въ своемъ призваніи управлять умами, законодательствовать надъ ними и вести ихъ за собой. Предо мною стояла олицетворенная фигура демократическаго диктатора, какъ она могла рисоваться воображенію въ часы фантазіи“[6]). У Бакунина было такое же впечатлѣніе о Марксѣ. 28 декабря 1847 года онъ, между прочимъ, писалъ Анненкову: „Марксъ treibt hier dieselbe eitle Wirtschaft, wie vorher, портитъ работниковъ, дѣлая изъ нихъ резонеровъ; то же самое теоретическое сумасшествіе и недовольное, неудовлетворенное собою самодовольствіе“[7]).

Совсѣмъ иное впечатлѣніе производилъ Бакунинъ. Достаточно вспомнить разсказы о немъ де-Губернатиса или художественно-мѣткое описаніе Тургенева, который устами Басистова говоритъ о Рудинѣ (Бакунинѣ): „Клянусь вамъ, этотъ человѣкъ умѣлъ не только потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ не давалъ тебѣ останавливаться, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя“. Эту черту отмѣчаетъ и Бѣлинскій. „Бакунинъ — пишетъ онъ въ 1843 году — во многомъ виноватъ и грѣшенъ; но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки, — это вѣчно движущееся начало, лежащее въ глубинѣ его духа“.

Обаяніе личности Бакунина испыталъ на себѣ и Марксъ. Въ письмѣ отъ 4 ноября 1864 г. онъ писалъ Энгельсу: Бакунинъ тебѣ кланяется.... Я увидѣлъ его въ первый разъ послѣ шестнадцати лѣтъ. Я долженъ сказать, что онъ очень понравился мнѣ, я нашелъ его лучше, чѣмъ прежде. Въ общемъ, это одинъ изъ рѣдкихъ людей, которыхъ я, послѣ шестнадцати лѣтъ, нашелъ пошедшими впередъ, а не назадъ“.

Однако, не слѣдуетъ забывать основной черты характера Маркса: онъ могъ быть лучшаго мнѣнія о человѣкѣ, но былъ прежде всего политиканомъ и демагогомъ и не останавливался ни передъ чѣмъ, если въ политическихъ цѣляхъ ему нужно было утопить даже лучшаго изъ людей. Такъ было и по отношенію къ Бакунину: Марксъ всю жизнь не переставалъ преслѣдовать его самыми грязными клеветами и инсинуаціями. Нападенія эти начались значительно раньше столкновеній Бакунина и Маркса въ Интернаціоналѣ. „Нападенія эти довольно грязны, и подкладка ихъ, — національное высокомѣріе, - слишкомъ явна,“ разсказываетъ біографъ Бакунина, Драгомановъ.

Въ первый разъ Марксъ пустилъ извѣстіе о томъ, что Бакунинъ агентъ русскаго правительства, въ началѣ 50-хъ годовъ, въ то время, когда Бакунинъ, въ ожиданіи смертнаго приговора, сидѣлъ въ крѣпости Кенигштейнъ. Попутно онъ наклеветалъ и на Герцена. Послѣдній такъ повѣствуетъ объ этомъ въ своихъ Запискахъ:

„Марксъ, очень хорошо знавшій Бакунина, который чуть не сложилъ голову за нѣмцевъ подъ топоромъ саксонскаго палача, выдалъ его за русскаго шпіона. Онъ разсказалъ въ своей газетѣ цѣлую исторію, какъ Жоржъ-Зандъ слышала отъ Ледрю-Роллена, что когда онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, то видѣлъ какую-то компрометирующую Бакунина переписку. Бакунинъ тогда сидѣлъ, ожидая смертнаго пригорора, въ тюрьмѣ — и ничего не подозрѣвалъ. Клевета толкала его на эшафотъ и порывала послѣднее общеніе любви между мученикомъ и сочувствующей ему массой. Другъ Бакунина, А. Рейхель, написалъ въ Nohant къ Ж.-Зандъ и спросилъ ее, въ чемъ дѣло. Она тотчасъ отвѣтила Рейхелю и прислала письмо въ редакцію марксова журнала, отзываясь съ величайшей дружбой о Бакунинѣ. Она прибавляла, что вообще *никогда не говорила* съ Ледрю-Ролленомъ о Бакунинѣ, въ силу чего не могла сказать и сказаннаго въ газетѣ. Марксъ нашелся ловко и помѣстилъ письмо Ж.-Зандъ съ примѣчаніемъ, что статейка о Бакунинѣ была помѣщена въ его отсутствіи...... Черезъ годъ послѣ моего отъѣзда въ Лондонъ марксова шайка еще разъ возвратилась къ гнусной клеветѣ противъ Бакунина, тогда погребеннаго въ Александровскомъ равелинѣ.“

На этотъ разъ, повѣствуетъ Драгомановъ, органомъ клеветы былъ англійскій журналъ, Morning Advertiser, на который имѣлъ вліяніе Урквардъ. „Однимъ добрымъ утромъ, говоритъ Герценъ, Morning Advertiser вдругъ поднялъ вопросъ: былъ ли Бакунинъ русскій агентъ или нѣтъ? — и само собою отвѣтилъ на это положительно. Въ 1859 г, во время итальянской войны, по словамъ Герцена, красный Марксъ избралъ самый черно-желтый журналъ въ Германіи, Аугсбургскую Газету, и въ ней напечаталъ анонимно, что „Герценъ, по самымъ вѣрнымъ источникамъ, получаетъ большія деньги отъ Наполеона Его близкія отношенія съ Palais Royal'емъ были и прежде не тайной“. (sic!).

Сравните съ этимъ формулу пасквилянта Плеханова: „анархистъ, если только это не сыщикъ... и т. д.“, и вы сразу увидите, что Плехановъ честно зарабаталъ свое право на званіе истиннаго марксиста. Дѣйствительно, духовное сродство между обоими клеветниками поразительное. Въ слѣдующей статьѣ мы увидимъ, что въ области соціалъ-патріотизма оба тоже могутъ пожать другъ другу руки, пока же будемъ продолжать изложеніе.

Долгое тюремное заточеніе и ссылка въ Сибирь положили большой промежутокъ между Бакунинымъ и его заграничными выступленіями. Изъ Сибири онъ, конечно, не представлялъ для Маркса никакой опасности и травить его послѣднему было незачѣмъ.

Бакунинъ вернулся изъ ссылки только въ концѣ 1861 г. и сразу съ головой ушелъ въ революціонную работу. Онъ очень много написалъ за это время и, по словамъ самого Герцена, „революціонизировалъ „Колоколъ“. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ организаціи польскаго возстанія, ѣздилъ въ Швецію, а когда послѣднее окончилось пораженіемъ, отправился въ Италію, гдѣ весь отдался итальянскому революціонному дѣлу. Въ Неаполѣ онъ основалъ, вмѣс[illegible]елли и Фричіа, „Интернаціональное Братство“, кото[illegible]азываетъ „первой секціей Интернаціонала“. Тотъ [illegible]дѣтельствуетъ, что „программа, выставленная Бакунин[illegible]а все соціалистическое движеніе Италіи въ его руки“.

Въ сентябрѣ 1867 г. Бакунинъ переѣзжаетъ въ Швейцарію и избирается членомъ постояннаго Совѣта „Лиги Мира и Свободы“, а въ іюлѣ 1868 г. становится членомъ женевской секціи Интернаціонала. Марксъ сразу заподазриваетъ его въ стремленіи захватить въ свои руки управленіе Интернаціоналомъ и опять открываетъ противъ него инсинуаторскую кампанію. А когда, по настоянію Бакунина, въ порядокъ дня Базельскаго конгресса былъ поставленъ пунктъ объ отмѣнѣ права на наслѣдства, Марксъ, окончательно выведенный изъ себя, пишетъ Энгельсу (27 іюля 1869 г.): „Совершенно ясно, что этотъ русскій хочетъ стать диктаторомъ европейскаго рабочаго движенія. Пусть онъ остерегается, не то онъ будетъ оффиціально изгнанъ.“ Энгельсъ отвѣтилъ: „Здѣсь замѣшанъ толстый Бакунинъ, это очевидно. Эсли этотъ проклятый русскій дѣйствительно думаетъ, при помощи своихъ интригъ, встать во главѣ рабочаго движенія, то какъ разъ время сдѣлать его неспособнымъ вредить.“

Съ этого момента Марксъ опять начинаетъ свою грязную кампанію противъ Бакунина. 1 января 1870 г. онъ посылаетъ комитетамъ Интернаціонала въ разныхъ странахъ „Конфиденціальныя Сообщенія“, въ которыхъ Бакунинъ и его друзья выставлены какъ враги Интернаціонала. Черезъ три мѣсяца, 28 марта 1870 г., онъ разсылаетъ новое „Конфиденціальное Сообщеніе“, на этотъ разъ направленное исключительно противъ Бакунина. По поводу этой закулисной травли Евгеній Гинсъ, между прочимъ, писалъ Гильому: „Получивъ отъ Карла Маркса письмо, содержащее низкія клеветы на Бакунина, я думалъ, что если нельзя дать ему за это оффиціальнаго урока, то все же не слѣдуетъ оставить это дѣло такъ. Поэтому я отъ своего личнаго имени написалъ Марксу, что эти клеветы недостойны его. Онъ отвѣтилъ мнѣ грубо-ругательнымъ письмомъ“ [8]).

Но „изгнать“ Бакунина изъ Интернаціонала Марксу и Энгельсу такъ и не удалось. Напротивъ, Бакунинъ, какъ идейный вождь, все больше укрѣплялся въ немъ. И Марксу ничего другого не оставалось, какъ прибѣгнуть къ расколу Интернаціонала, что онъ и началъ выполнять при помощи своихъ агентовъ, среди которыхъ наибольшія лавры заслужилъ себѣ нѣкій Утинъ.

Тутъ тоже ясно выступаетъ громадная разница характеровъ Бакунина и Маркса. Въ то время, какъ для Маркса, при сведеніи личныхъ счетовъ, не существовало ни святости отношеній, ни святости революціоннаго дѣла, Бакунинъ свой революціонный долгъ всегда ставилъ выше личныхъ отношеній, выше личной мести, какъ мы увидимъ это ниже. Къ Марксу, какъ человѣку, онъ относился съ отвращеніемъ, но не подавалъ ему никакого повода заподозрить это. Вотъ какъ самъ онъ разсказываетъ о лондонскомъ визитѣ къ нему Маркса, — о томъ самомъ визитѣ, послѣ котораго Марксъ, въ вышеприведенномъ письмѣ къ Энгельсу, выразилъ послѣднему свою симпатію къ Бакунину: „Герценъ говорилъ мнѣ, что гражданинъ Карлъ Марксъ принималъ активное участіе въ клеветахъ на меня. Я этому не удивлялся очень, зная по прежнему опыту, — т. к. я знаю его съ 1845 г., — что знаменитый соціалистъ нѣмецкій ... имѣетъ въ своемъ характерѣ нѣкоторыя черты, которыя съ меньшимъ удивленіемъ встрѣтилъ бы у еврейскаго беллетриста, корреспондента нѣмецкихъ газетъ, чѣмъ у такого серьезнаго, у такого горячаго защитника человѣчества и справедливости. Поэтому, прибывъ въ 1862 г. въ Лондонъ, я удержался отъ визита ему, мало желая возобновлять свое съ нимъ знакомство. Но въ 1864 г., при моемъ проѣздѣ черезъ Лондонъ, онъ пришелъ ко мнѣ самъ и увѣрялъ меня, что онъ не принималъ ни прямо, ни косвенно участія въ этихъ клеветахъ, *которыя онъ самъ считалъ гнусными. Я долженъ былъ* этому вѣрить“ [9]). Очевидно, Бакунинъ не вѣрилъ словамъ Маркса, — справедливо заключаетъ Драгомановъ.

28 октября 1869 г. Бакунинъ писалъ Герцену: „Насчетъ Маркса — вотъ мой отвѣтъ: я знаю такъ же хорошо, какъ и ты, что Марксъ точно также виноватъ противъ насъ, какъ и всѣ другіе, и даже — что онъ былъ зачинщикомъ и подстрекателемъ всѣхъ гадостей, взводимыхъ на насъ. Почему же я его пощадилъ и даже похвалилъ, назвавъ великаномъ? По двумъ причинамъ, Герценъ. Первая причина — *справедливость*. Оставивъ въ сторонѣ всѣ его гадости противъ насъ, нельзя не признать, я по крайней мѣрѣ не могу не признать за нимъ огромныхъ заслугъ по дѣлу соціализма...“ И дальше: „Марксъ несомнѣнно полезный человѣкъ въ Интернаціональномъ Обществѣ.... и я никогда не простилъ бы себѣ, если бы *для удовлетворенія личной мести* я бы уничтожилъ или даже уменьшилъ его несомнѣнно благодѣтельное вліяніе.“[10])

Тутъ, между прочимъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что, говоря о благодѣтельномъ вліяніи Маркса въ Интернаціоналѣ, Бакунинъ имѣлъ въ виду отнюдь не политическую сторону ученія Маркса, а его дѣйствительно выдающійся организаціонный талантъ. Политическія теоріи Маркса онъ всегда считалъ вредными, какъ это видно изъ цитированнаго выше письма къ Анненкову („Марксъ портитъ работниковъ, дѣлая изъ нихъ резонеровъ“), датирующагося еще отъ 1847 г., и какъ это съ еще большей опредѣленностью вытекаетъ изъ только что цитированнаго письма къ Герцену, въ которомъ Бакунинъ дальше говоритъ: „А можетъ случиться и, вѣроятно, случится, что мнѣ скоро придется вступить съ Марксомъ въ борьбу, — не за личную обиду, а по вопросу о принципѣ, *по поводу государственнаго коммунизма*, котораго онъ и предводительствуемая имъ партія, англійская и нѣмецкая, горячіе поборники. Ну, тогда будемъ драться не на животъ, а на смерть.“

Не за личную обиду... Да, Бакунинъ больше, чѣмъ кто бы то ни было изъ великихъ людей его эпохи умѣлъ подчинять личные свои интересы общественнымъ. Онъ всегда и во всемъ ставилъ выше всего интересы революціоннаго дѣла, революціоннаго долга. Непоколебимая политическая честность и „вѣчно движущее начало“, такъ мѣтко подчеркнутое Бѣлинскимъ, — вотъ что составляло отличительныя черты его личности, въ противоположность Марксу, который, какъ мы уже видѣли это и еще будемъ имѣть не разъ случай убѣдиться, обладалъ очень непривлекательнымъ характеромъ и нереволюціоннымъ, резонерски-сухимъ темпераментомъ. Самъ Бакунинъ очень цѣнилъ это вѣчно движущее начало. Описывая Герцену свои переживанія впродолженіе восьмилѣтняго тюремнаго заключенія, онъ, между прочимъ, говоритъ: „Я одного только желалъ: не примириться, не резиньироваться, не измѣниться, не унизиться до того, чтобы искать утѣшенія въ какомъ бы то ни было обманѣ, — сохранить до конца въ цѣлости *святое чувство бунта*.“[11])

„Истина измѣнена быть не можетъ“, часто говорилъ Бакунинъ, и эта простая любовь къ истинѣ, это безапелляціонное признаніе ея сказывалось у него во всемъ. Онъ любилъ святое чувство бунта не потому, что оно было присуще ему, а какъ таковое, какъ истину, отвлеченно. Онъ, какъ революціонеръ, цѣнилъ его во всѣхъ проявленіяхъ, даже когда не соглашался съ его послѣдствіями. Какъ величественно-красивы его слова, обращенныя къ Герцену, когда послѣдній въ „Колоколѣ“ высказалъ осужденіе Каракозову, и какимъ глубокимъ преклоненіемъ передъ святостью бунта дышатъ они. „Я также, какъ и ты, не ожидаю ни малѣйшей пользы отъ цареубійства въ Россіи, — пишетъ онъ, — готовъ даже согласиться, что оно положительно вредно, возбуждая въ пользу царя временную реакцію, но не удивляюсь отнюдь, что не всѣ раздѣляютъ это мнѣніе и что подъ тягостью настоящаго, невыносимаго, говорятъ, положенія, нашелся человѣкъ, менѣе философски развитый, *но зато и болѣе энергичный, чѣмъ мы*, который подумалъ, что гордіевъ узелъ можно разрѣзать однимъ ударомъ, *и я искренно уважаю его за то, что онъ подумалъ такъ и совершилъ свое дѣло*. Несмотря на теоретическій промахъ его, мы не можемъ отказать ему въ своемъ уваженіи и *должны признать его „нашимъ“* передъ гнусной толпой лакействующихъ царепоклонниковъ.“[12])

Тотъ же крикъ боли за оскорбленное чувство бунта вырвался у Бакунина опять, когда Герценъ назвалъ Березовскаго, покушавшагося на Александра II, фанатикомъ. „Ну, за что ты назвалъ Березовскаго фанатикомъ? — упрекаетъ онъ Герцена. „Онъ чистъ, потому что фанатикъ“, — что за странная игра словъ! И что значитъ фанатикъ? Дуракъ или сумасшедшій, что ли? Это, братъ, изъ рукъ вонъ несправедливо! Точно какъ будто бы внѣ исторически философскаго высокаго взгляда на происшествія нѣтъ жизни, нѣтъ права и страсти жизни? *Березовскій — мститель, и самый законный мститель* за всѣ преступленія, муки и кровавыя оскорбленія, вынесенныя Польшей и поляками. Неужели ты этого не понимаешь? Да, вѣдь, если бы не было такихъ взрывовъ негодованія, можно было бы отчаяться въ людяхъ!“

„Истина измѣнена быть не можетъ“ — этой увѣренности ничто не могло поколебать въ Бакунинѣ. Вѣра въ торжество истины *при всякихъ условіяхъ* жила въ немъ такъ твердо, что даже когда швейцарское правительство выдало русскому правительству Нечаева, — человѣка, который причинилъ лично Бакунину очень много горя и вреда, — эта вѣра въ святость *революціонной* истины, въ *обреченность* революціонера, какъ онъ выражался, сразу пробудилась у Бакунина также и по отношенію къ Нечаеву. „Итакъ, старый другъ, неслыханное совершилось, — пишетъ онъ Огареву. Несчастнаго Нечаева республика выдала... Нечаевъ, который погибъ безвозвратно и безъ сомнѣнія знаетъ, что онъ погибъ, на этотъ разъ вызоветъ изъ глубины своего существа, запутавшагося, загрязнившагося, но далеко не пошлаго, всю свою первобытную энергію и доблесть. Онъ погибнетъ героемъ и на этотъ разъ никому и ничему не измѣнитъ. *Такова моя вѣра*. Увидимъ скоро, правъ ли я. Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ страшно жаль его“.

И Бакунинъ не ошибся; Нечаевъ до конца остался революціонеромъ.

У Маркса, какъ уже отмѣчено, ни душевной чистоты, ни революціонной опрятности не было. Онъ всегда былъ разсчетливымъ, холоднымъ демагогомъ и готовъ былъ использовать даже несчастье другихъ, если это приближало его къ цѣли. Напр., когда ему показалось, что Интернаціоналъ, наконецъ, проникается его политической идеологіей, онъ пишетъ Энгельсу: „Къ будущей революціи мы (т. е. ты и я) будемъ имѣть это могущественное орудіе въ *нашихъ рукахъ*“. Онъ не брезговалъ даже использованіемъ репрессивныхъ по отношенію къ революціонерамъ правительственныхъ мѣръ. Когда французское правительство заключило въ тюрьму С.-Пелажи неугодныхъ также и Марксу членовъ парижской комиссіи, онъ радуется этому и пишетъ Энгельсу: „Къ счастью наши старые парижскіе знакомцы подъ замкомъ. Парижскій комитетъ пришлетъ въ Брюссель только одного делегата...“ Радоваться, для осуществленія своихъ цѣлей, хотя бы даже и самыхъ благихъ, тому, что правительственная реакція засадила въ тюрьму лучшихъ французскихъ революціонеровъ того времени, — что можетъ быть гаже, циничнѣе этого!

Цѣлью настоящей статьи было лишь дать личныя характеристики двухъ выдающихся людей и дѣятелей Интернаціонала, показать глубокую внутреннюю пропасть, раздѣлявшую ихъ. Въ слѣдующемъ номерѣ мы остановимся на отношеніи Бакунина и Маркса какъ къ самому Интернаціоналу, такъ и къ войнѣ. Это тѣмъ болѣе необходимо въ виду появленія въ настоящее время въ печати претенціозныхъ статей, авторы которыхъ стараются оправдать на основаніи пангерманизма Маркса желательный ихъ политическимъ цѣлямъ, но въ дѣйствительности не существова-

---

[1]) Г. Плехановъ. Анархизмъ и Соціализмъ. Изданіе Карчагина, стр. 125. [2]) Тамъ же. [3]) Тамъ же, стр. 126.

[4]) Іеккъ. Интернаціоналъ. Изд. „Знанія“, стр. 167.

[5]) Тамъ же, стр. IX – X.

[6]) „Вѣстникъ Европы“. Апрѣль, 1880 г. По этому поводу не лишне вспомнить характеристику, которую даетъ Марксу Туганъ-Барановскій. По его разсказамъ Марксъ, этотъ проповѣдникъ равенства, въ семейной жизни велъ себя какъ настоящій диктаторъ, – до такой степени, что ничто не напоминало о его соціалистическихъ воззрѣніяхъ. Даже и В. Либкнехтъ, его величайшій поклонникъ, приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ много черточекъ, обрисовывающихъ мелкое самолюбіе и демагогическую натуру Маркса.

[7]) „Письма“ Бакунина. Біографическое введеніе Драгоманова, стр. XLIV.

[8]) James Guillaume. Karl Marx Pangermaniste, стр. 72.

[9]) La théologie politique de Mazzini et l'Internationale. 1871, стр. 46.

[10]) Письма Бакунина, стр. 233—235.

[11]) Письмо отъ 8 декабря 1860 г., изъ Иркутска.

[12]) Письмо отъ 19 іюля 1866 г.

вшій французскій патріотизмъ Бакунина. Бакунинъ всегда былъ революціоннымъ интернаціоналистомъ въ полномъ значеніи этого слова и всегда былъ чуждъ какого бы то ни было буржуазнаго патріотизма или націонализма.

Александръ Ге.

СОЦІАЛЪ-ШОВИНИСТЫ ЗА РАБОТОЙ.

Разсужденія à baton rompu по поводу русскихъ соціальдемократовъ

Соціалъ-шовинисты тоже считаютъ себя выразителями *рабочей* идеологіи. Больше того, — одинъ изъ столповъ этого направленія марксистской мысли, г. Алексинскій, даже утверждаетъ, что ихъ позицію раздѣляетъ большинство русскихъ пролетаріевъ. Правда, этому мало кто вѣритъ. Но для г. Алексинскаго не въ этомъ и дѣло. Онъ привыкъ къ тому, чтобы ему не вѣрили, и относится къ этому весьма добродушно. Онъ совсѣмъ не обидчивъ и часто самъ готовъ относиться не серьезно къ тому, что утверждаетъ.

Другое дѣло — главный столпъ русскаго соціалъ-патріотизма и соціальдемократическаго Интернаціонала, г. Плехановъ. Этотъ тоже привыкъ къ тому, что ему уже давно перестали вѣрить, но всегда очень зло обижается, когда ему объ этомъ напоминаютъ. Впрочемъ, манера говорить завѣдомую неправду у нихъ тоже неодинаковая. Алексинскій дѣлаетъ это безсвязно, спорадически, заикаясь и спотыкаясь на фактахъ. Плехановъ-же „неправильно излагаетъ" такъ ловко, такъ мастерски-плавно, будто бы говоритъ чистую правду. Онъ настолько акробатъ въ своей области, что наивный или малоосвѣдомленный слушатель можетъ иногда и повѣрить ему, несмотря на явную подтасовку фактовъ и нечистоплотное маневрированіе ими. Онъ куда, какъ перещеголялъ Алексинскаго въ усвоеніи діалектическихъ пріемовъ изложенія, онъ вообще куда больше и лучше всѣхъ остальныхъ своихъ почтенныхъ единомышленниковъ тысячи и одного толка владѣетъ марксистскимъ методомъ и потому по праву носитъ титулъ и регаліи основоположенника. Этотъ, дѣйствительно, „основъ" ужъ не нарушитъ, — полицейскіе консулы могутъ спать спокойно.

Всякая историческая эпоха имѣетъ своихъ слугъ, всякій властелинъ своихъ прислужниковъ. И отнюдь не новъ обычный пріемъ прислужниковъ оправдывать свое прислужничество „благомъ народа". Во имя народнаго блага народъ во всѣ вѣка подвергался спаиванію и обиранію, а лучшихъ сыновей его обезглавливали на эшафотахъ, подвергали инквизиціи, разстрѣливали или гноили по тюрьмамъ и каторгамъ. Теперь эти методы попеченія о благѣ народномъ тоже еще не устарѣли, но они временно отступили на второй планъ. Теперь мы переживаемъ военную эпоху, когда народъ, выражаясь по Марксу, долженъ прежде всего „выполнить свой *государственный* долгъ" (у соціалистовъ-государственниковъ это то же, что *классовый* долгъ), когда благо народное зависитъ отъ того или иного исхода войны: отъ побѣды надъ противникомъ, какъ думаютъ соціалъ-патріоты плехановскаго толка, или же отъ побѣды противника надъ нами, какъ думаютъ пораженцы толка ленинскаго, или же, наконецъ, отъ „ни побѣды, ни пораженія", какъ говорятъ (но въ душѣ этого не думаютъ) щеголяющіе подъ маской „истиннаго интернаціонализма" соціальдемократы нашесловскаго толка.

„Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ..." невольно вспоминается дѣдушка Крыловъ при чтеніи этихъ разнорѣчивыхъ марксистскихъ рецептовъ. Плехановъ-Ракъ, зовущій народъ сплотиться подъ знаменемъ царизма въ моментъ „національной опасности", для пораженія „надменнаго сосѣда". Ленинъ-Щука, желающій проглотить „врага въ собственной странѣ", но не могущій своими силами совладать съ лакомымъ кускомъ и призывающій на подмогу Шведа. „Наше Слово"-Лебедь, говорящее сегодня одно, завтра другое, и безпомощно бьющее правымъ и лѣвымъ крыльями по осколкамъ разбитой чистоты интернаціоналистической марксистской принципіальности. Это ли не жанровая картина пресловутой „международной солидарности"?

Что этой солидарности нѣтъ, съ гордостью признаютъ и авторы недавно вышедшаго соціалъ-патріотическаго сборника „Война".

„Нѣтъ ни одной соціалистической партіи, *ни одной секціи Интернаціонала*, въ которыхъ по поводу этихъ вопросовъ не проявились болѣе или менѣе серьезныя, болѣе или менѣе глубокія разногласія", читаемъ мы въ предисловіи.

Остановимся вкратцѣ на трехъ главныхъ соціальдемократическихъ теченіяхъ, стремящихся къ достиженію народнаго блага на русской территоріи.

Самую расплывчатую, безформенную позицію занимаютъ литераторы изъ „Нашего Слова". У каждаго изъ нихъ по отдѣльности есть вполнѣ опредѣленное отношеніе къ пожеланію для Россіи побѣды или пораженія, но почти всѣ они между собой расходятся; поэтому они, въ цѣляхъ „сохраненія цѣлостности организаціи", рѣшили вообще не ссориться по поводу „марксистскаго отношенія" къ „народному благу", связанному съ войной, а примирились на могущей удовлетворить весь разношерстный коллективъ формулѣ „ни побѣды, ни пораженія". Status quo ante. Нашесловцы прежде всего люди съ добрымъ сердцемъ. Имъ „всѣхъ жалко", они больше любятъ „и папу и маму". Но какъ же, въ такомъ случаѣ, быть съ народнымъ благомъ? Да очень просто. До войны оно всецѣло находилось на попеченіяхъ соціальдемократическаго Интернаціонала, который блестяще выполнялъ свою задачу. Значитъ, во имя народнаго блага необходимо прежде всего „возстановить Интернаціоналъ". Само собою понятно, что возстановить его нужно на старыхъ принципахъ „революціоннаго марксизма", который, правда, не выдержалъ экзамена передъ Исторіей, „но все жъ хранитъ свой гордый видъ", и, главное, съ благосклоннымъ участіемъ всѣхъ подмоченныхъ репутацій. Поэтому „Наше Слово" видитъ свою международную задачу въ томъ, чтобы цивилизованное человѣчество на слѣдующій день послѣ войны не осталось безъ соціальдемократическаго Интернаціонала. Но изъ какихъ элементовъ долженъ состоять „революціонный" Интернаціоналъ? Объ этомъ не полагается спрашивать, это — секретъ редакціи „Нашего Слова", въ которой (скажемъ на ушко читателю) засѣдаетъ въ качествѣ равноправнаго члена, между прочими „революціонерами", также и цвѣтъ россійскаго оппортунизма, г. Мартовъ. Какъ можно заключить о томъ изъ всей позиціи „Нашего Слова", для блага народнаго послѣ войны совершенно необходимо, чтобы Вандервельде братски пожалъ руки Шейдеману, чтобы Гэдъ облобызалъ Зюдекума, Турати – Адлера, чтобы Плехановъ заключилъ въ свои объятія Ленина и Троцкаго (чѣмъ они хуже японца?), а Мартовъ преклонился передъ геніемъ Алексинскаго. Это ли не эмблема международной революціонной солидарности! Императоры, короли и президенты подпишутъ мирные трактаты и распустятъ по домамъ свои арміи. Распустятъ они также своихъ соціалистическихъ прислужниковъ и министровъ съ портфелями и безъ портфелей. Министры, освобожденные отъ обязанностей своего „государственнаго долга", вернутся къ своимъ прежнимъ обязанностямъ, международнымъ (охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!), и снова займутъ свои опустѣвшіе на время войны троны въ дворцѣ международнаго бюро для обморачиванія массъ, въ Брюсселѣ. Они тоже подпишутъ мирный договоръ между собою (повоевали во имя марксизма, и хватитъ...) и снова обратятся на весь міръ, черезъ головы всего буржуазнаго общества, съ кличемъ: „Пролетаріи всѣхъ странъ, которыхъ мы не успѣли перестрѣлять по приказу Ихъ Величествъ, опять соединяйтесь!" И, дѣлать нечего, соединятся пролетаріи, ибо ихъ товарищи-министры уже соединились.

Таковы заманчивыя перспективы, рисующіяся воображенію почтеннаго соціальдемократическаго коллектива, образующаго редакцію „Нашего Слова". Не припоминаетъ ли читатель, по аналогіи, покойнаго графа Витте съ его историческимъ обращеніемъ „братцы-рабочіе!" Положительно есть нѣчто общее у министровъ въ манерѣ разговаривать съ рабочими, когда дѣло касается народнаго блага.

Нѣсколько словъ о расхожденіи нашесловцевъ.

Мартовъ самъ заявляетъ, что онъ въ коллективѣ является представителемъ О. К.; Залевскій съ Воиновымъ, по свидѣтельству Алексинскаго, недавно потребовали отъ „Н. Сл." солидаризаціи съ ленинской позиціей. Ларкнъ во всемъ оправдываетъ нѣмецкихъ с-д.; Троцкій слегка осуждаетъ ихъ, но все же преклоняется передъ ними. И такъ далѣе. Но еще знаменательнѣе, чѣмъ расхожденіе нашесловцевъ между собою, ихъ расхожденіе съ самими собою. Ученые психологи называютъ это явленіе „раздвоеніемъ личности". Есть для опредѣленія его и другіе термины, наприлѣръ Алексинскій называетъ это „двурушничествомъ".

Но мы не послѣдуемъ за нимъ и назовемъ это „раздвоеніемъ личности". Оказывается, что рьяный революціонеръ Воиновъ, мечущій въ „Н. Сл." молніи и громы противъ патріотизма и милитаризма, имѣетъ антидота въ лицѣ Луначарскаго, который въ „Кіевской Мысли" воспѣваетъ патріотическій геній Жанны д'Аркъ и восторгается бравой поступью англійскихъ солдатъ. Троцкій, ведущій въ „Н. Сл." министерство революціоннаго интернаціонализма, имѣетъ антидота въ лицѣ нѣкоего Антида Ото, который тоже въ „Кіевской Мысли" пишетъ душераздирательныя сочиненія о „нѣмецкихъ звѣрствахъ" и воспѣваетъ цвѣтъ мундира генерала Френча. Ш. Раппопортъ одновременно сотрудничалъ въ сугубо-антипатріотическомъ „Н. Сл." и въ сугубо-патріотической „Guerre Sociale" (этотъ дѣйствовалъ самостоятельно, безъ антидота), гдѣ воспѣвалъ патріотизмъ Жореса. Залевскій разводитъ интернаціональные узоры въ „Н. Сл.", а въ „Вѣстникѣ Европы" старается убѣдить сомнѣвающихся въ искренности обѣщаній великаго князя Николая Николаевича, что „успѣхи Россіи въ войнѣ даютъ возможность предполагать, что исполнятся чаянія большинства польскаго народа".

Какъ видитъ читатель, нѣкоторые члены редакціи и сотрудники „Н. Сл." очень далеки отъ принципіальности Галилея и на костры за свои убѣжденія не пойдутъ. Они предпочитаютъ въ „Н. Сл. пѣть „Интернаціоналъ", а въ легальныхъ органахъ стройнымъ хоромъ подхватываютъ

„Пусть же льется кровь рѣкою,
Это пустяки, —
Мигомъ казаки
Въ штыки, въ штыки!"

Не находитъ-ли читатель, что „раздвоеніе личности" – болѣзнь не совсѣмъ удобная въ революціонныхъ организаціяхъ? Объ этомъ могли бы пораcсказать кое-что эсъ-эры, — ихъ организаціи отъ этой эпидеміи основательно пострадали. Во всякомъ случаѣ подобное заболѣваніе, каковы бы ни были внѣшнія формы его проявленія, не совсѣмъ къ лицу строителямъ будущаго „революціоннаго" Интернаціонала.

Но поговоримъ о другихъ.

О народномъ благѣ, — съ *революціонно*-марксистской точки зрѣнія, конечно, — печется также и Ленинъ. Но въ противоположность Плеханову, онъ понимаетъ его, какъ „истинный" революціонный марксистъ, только въ результатѣ революціи. Однако, ему, какъ *русскому* марксисту, революція необходима обязательно въ Россіи. Какъ-же сдѣлать ее? Развитіе производительныхъ силъ? Очевидно, этого недостаточно, ибо производительныя силы уже полвѣка какъ все развиваются въ Россіи, а революціи настоящей, побѣдоносной, ленинской все еще нѣтъ. Была когда-то надежда на іюль мѣсяцъ, да ничего изъ этого не вышло. Такъ какъ-же? Ленинъ разводитъ руками. Война, конечно, очень скверное дѣло, но тщательное изученіе русской исторіи доказываетъ, что движеніе 1905 г. началось послѣ пораженія Россіи японцами. Дѣло ясно: необходимо, чтобы Россія опять потерпѣла пораженіе. Отсюда выводъ: „Долой войну, и — да здравствуетъ пораженіе Россіи!" Но не будучи въ состояніи устроить революцію черезъ Центральный Комитетъ, (о, Каменевъ!), Ленинъ возлагаетъ эту обязанность на бронированный кулакъ императора Вильгельма. Онъ не посылаетъ русскихъ рабочихъ подъ нѣмецкія пули, какъ дѣлаетъ это Плехановъ, —о, нѣтъ! – онъ только желаетъ нашествія Батыя на Россію. И отчасти правъ въ своей критикѣ „пораженчества" соціалъ-патріотъ Алексинскій, утверждающій, что пораженцы — не революціонеры, а просто-нацросто либералы-реформисты, съ той лишь разницей, что либералы обычные ждутъ конституціи и свободы „сверху" *отъ домашней власти*, а соціальдемократическіе либералы-пораженцы ждутъ ее тоже „сверху", но *отъ власти заграничной*. Алексинскій, повторяемъ, отчасти правъ, но... онъ останавливается на полпути. Онъ забываетъ добавить, хотя и знаетъ это по своему собственному облику, что соціальдемократы вообще не революціонеры, а „просто-напросто либералы-реформисты". Или онъ думаетъ, что ждать революціи отъ содѣйствія русскихъ солдатъ хоть на іоту „революціоннѣе", чѣмъ ждать ее отъ содѣйствія солдатъ нѣмецкихъ? Или онъ, можетъ быть, полагаетъ, что призывать къ *содѣйствію* русскому царю болѣе „революціонно", чѣмъ ожидать пользы отъ дѣйствій Вильгельма, *не содѣйствуя* ему? Въ этомъ онъ очень ошибается. Пусть Ленинъ не революціонеръ, а реформистъ (хотя и реформисты могутъ быть иногда революціонерами), пусть Мартовъ — „трусливый ханжа, боящійся высказать свои мысли открыто", но развѣ же въ этомъ дѣло? Развѣ это хоть сколько-нибудь говоритъ за то, что самъ Алексинскій не рабъ воинствующаго націонализма россійскаго и не лакей Пуришкевичей и Милюковыхъ, опустившійся, въ угоду имъ, до самыхъ низкихъ пріемовъ и сенсаціонныхъ разоблаченій?

Но и это не важно, скажемъ нѣсколько словъ о другомъ героѣ современности, — о товарищѣ г. Алексинскаго, Плехановѣ.

Плехановъ тоже печется о народномъ благѣ и, конечно, печется тоже съ марксистской точки зрѣнія. Но, въ противность Ленину и въ согласіи съ Мартовымъ и, вѣроятно, нѣкоторыми другими литераторами изъ „Нашего Слова", онъ видитъ возможность русской революціи только въ развитіи производительныхъ силъ Россіи. Поэтому нужно поддерживать все, что такъ или иначе способствуетъ развитію этихъ силъ, — только такимъ путемъ можно способствовать русской революціи. Исторія-же учитъ, что военныя побѣды всегда сопровождаются крупнымъ экономическимъ подъемомъ. Ergo — Россіи, для торжества революціи, необходимо разбить Германію. „Долой войну и да здравствуетъ побѣда Россіи!" провозглашаетъ Плехановъ и.... со свойственной ему беззастѣнчивостью начинаетъ аргументировать въ сборникѣ „Война".

Начинаетъ онъ съ того, что вообще не нарушилъ бы своего олимпійскаго молчанія, если бы случайно почтальонъ не передалъ ему письма отъ нѣкоего Н—ва, въ которомъ ему „послышались мучительные запросы". Кто не знаетъ мягкосердія Плеханова? Буренинъ, вогнавшій въ гробъ Надсона, |по сравненію съ нимъ дитя малое! И Плехановъ проливаетъ крокодилову слезу надъ „мучительными запросами". Онъ считаетъ недостойнымъ себя вести чернильную войну съ „неуками" и лягушками изъ покойнаго „Голоса", но невѣдомому товарищу Н—ву онъ воздаетъ должное. „*Вамъ я обязанъ отвѣтить!*" патетически провозглашаетъ онъ и... отвѣчаетъ какъ разъ не Н–ву, а неукамъ и лягушкамъ. И какъ отвѣчаетъ! — десять, двадцать, тридцать, сорокъ страницъ убористаго шрифта, — совсѣмъ какъ въ доброе старое время, когда онъ получалъ хорошій гонораръ въ „Современномъ Мірѣ" и критиковалъ тамъ синдикализмъ Лабріолы. И съ точно такимъ же успѣхомъ: тогда тоже Лабріола уличилъ его въ незнаніи политической экономіи, въ намѣренномъ искаженіи словъ своего противника и... въ сообщеніи завѣдомо ложныхъ фактовъ.

Но о фактахъ послѣ, поговоримъ сначала о „позиціи" основоположенника.

Какъ и Алексинскій, онъ сначала взбирается на этическую вышку. Цѣлымъ рядомъ цитатъ и сопоставленій онъ доказываетъ, что Россія войны не хотѣла, что она въ нее была втянута насильно и потому — „не виновата". Для Россіи, видите-ли, эта война — „оборонительная", а оборонительныя войны признавались „самимъ Марксомъ". Тутъ Плехановъ говоритъ о Россіи такъ, какъ будто-бы въ ней нѣтъ ни царизма, ни военнаго министерства, ни секретныхъ статей бюджета, ни царской дипломатіи, а судьбами ея вершитъ самъ народъ. И, конечно, народъ хочетъ войны, ибо онъ, также какъ Плехановъ, въ душѣ марксистъ и тоже понимаетъ, что война—оборонительная. Это ничего, что Пуришкевичъ и Бобринскій десятки лѣтъ „оборонялись" въ австрійской Галиціи, ведя тамъ руссофильскую агитацію; это ничего, что царскія войска, „обороняясь", захватили австрійскую Галицію и захватили бы восточную Пруссію, если-бы генералъ Самсоновъ случайно не потопилъ ихъ въ Мазурійскихъ болотахъ; это пустяки, что они во славу царизма попутно устраивали еврейскіе погромы и вѣшали католическихъ ксендзовъ, — война все-таки оборонительная. Такъ и сіамскіе близнецы Энгельсъ и Марксъ опредѣлили-бы. Но тутъ духовный кузенъ сіамскихъ близнецовъ случайно проговаривается: „Правда, говоритъ онъ, общеевропейской войны все-таки не было-бы, если-бы Россія не ополчилась на защиту Сербіи". Казалось-бы, — причемъ-же здѣсь Галиція? Но это ужъ по Плеханову, „чисто утилитарное соображеніе". Ну, а какъ быть съ фактомъ, что сербскіе и русскіе соціалисты отказались голосовать за военные кредиты? Дѣйствительно, это довольно непріятный фактъ для такого русско-сербскаго патріота, какъ Плехановъ. Но благости его нѣтъ границъ и онъ сейчасъ-же находитъ для нихъ оправданіе: „ни откуда не слѣдуетъ, что эти наши товарищи не способны заблуждаться", утѣшаетъ онъ насъ. Онъ все понимаетъ, Плехановъ, даже ошибки, и прощаетъ ихъ, ибо — tout comprendre, c'est tout pardonner. Правда, хоть это сказано и не Марксомъ, но случайно это все-таки вѣрно. Но такъ какъ нѣтъ правила безъ исключенія, то есть исключеніе и здѣсь. Читатель, конечно, догадался, что оно относится къ анархистамъ. Само собой понятно, что универсальный геній Плеханова и ихъ тоже понимаетъ, но... не прощаетъ. „Нѣкій" Домела Ньювенгуйсъ, видите-ли, еще въ 1893 г., на цюрихскомъ конгрессѣ, назвалъ его и его единомышленниковъ „соціалъ-патріотами". Плехановъ ругается. Соціальдемократы никогда не были ни антимилитаристами, ни антипатріотами. Къ войнѣ соціальдемократія не можетъ подходить *съ готовыми разъ на всегда формулами*. Это толстовство или, еще того хуже, анархизмъ. Сумасшедшій Домела въ Цюрихѣ требовалъ, чтобы соціалисты, въ случаѣ войны, объявили военную стачку. Безумецъ, онъ не понимаетъ разницы между обороной и нападеніемъ! Ну, и расправился-же Плехановъ тогда съ Домелой, — объ этомъ соціалистическіе Несторы и до сихъ поръ упоминаютъ! „Смотри мою статью „La question militaire au Congrès de Zürich, — не помню, въ какомъ номерѣ парижской „Ere nouvelle" за 1893 г.", — отсылаетъ Плехановъ читателя на розыски. Правда, адресъ не совсѣмъ точный, но любознательный читатель найдетъ (а не найдетъ, еще лучше, — думаетъ Плехановъ). Намъ всегда было подозрительно, когда Плехановъ чего-нибудь „*не помнитъ*". Открываемъ Отчеты цюрихскаго конгресса и читаемъ тамъ: „*русскій соціалистъ Плехановъ высказалъ пожеланіе, чтобы варварская и деспотическая Россія была разбита* (écrasée) *цивилизованной и соціалистической Германіей*". Какъ нравится читателю эта плехановская „расправа"? И какъ могъ забыть объ этомъ Ленинъ? Дѣйствительно, что называется „клиномъ вышло". Или Россія съ тѣхъ поръ стала цивилизованной и соціалистической, а Германія — варварской и деспотической? Поразительные прогрессы и регрессы бываютъ въ Исторіи! А Плехановъ еще такъ недавно думалъ, что она не идетъ скачками. Вѣкъ живи, вѣкъ учись... Поскакала Исторія, поскакалъ за ней и Георгій Валентиновичъ, подобравъ марксистскіе фалды своего редингота. И, оказывается, такъ поскакалъ, что самого себя перескочилъ!

Но тутъ съ Плехановымъ случается второе несчастье. Какъ это часто бываетъ, онъ не разсчиталъ скачка и съ разбѣга прыгнулъ [illegible]... въ лужу. Онъ опять передернулъ, только на этотъ разъ [illegible] болѣе неудачно.

„Уже первый манифестъ Интернаціонала, пишетъ онъ въ своемъ публичномъ письмѣ къ Н—ву, *писанный Марксомъ* (замѣтьте, читатель, курсивъ Плеханова)... говорилъ, что простые законы нравственности и права, которыми опредѣляются взаимныя сношенія отдѣльныхъ лицъ, должны также стать высшими законами, опредѣляющими взаимныя отношенія народовъ. Какъ видно, авторъ Манифеста хотѣлъ, чтобы его(!!!) указаніе на право и нравственность явилось заключительнымъ аккордомъ его призыва рабочихъ къ объединенію."

Вотъ что значитъ, сильно желать найти *этическое* и въ то же время *марксистское* оправданіе войнѣ. Тутъ и Прудона съ Марксомъ перепутаешь. Открываемъ переписку между Марксомъ и Энгельсомъ и находимъ тамъ письмо Маркса отъ 4 ноября 1864 г., посвященное почти исключительно лондонскому засѣданію Комиссіи, въ которой былъ принятъ упоминаемый Плехановымъ манифестъ, и читаемъ тамъ:

„Мои предложенія были всѣ приняты Комиссіей; меня *заставили* только внести двѣ фразы относительно обязанностей и правъ, относительно правды, нравственности и справедливости. *Но я размѣстилъ ихъ такъ, что это не причинитъ никакого вре а.*"

Эти двѣ фразы въ манифестѣ „написанномъ Марксомъ", на которыя съ такой гордостью ссылается Плехановъ, были внесены по требованію *прудониста* Le-Lubez. Послѣдняя изъ нихъ заканчивалась классическими словами: „нѣтъ обязанностей безъ правъ, нѣтъ правъ безъ обязанностей". Марксъ-же называлъ ихъ, въ томъ-же письмѣ къ Энгельсу, безсодержательной болтовней (Fatras). Вотъ такъ „заключительный аккордъ"! Эхъ, постыдились бы хоть на старости лѣтъ-то, Георгій Валентиновичъ.

Но для чего нужна Плеханову вся эта „этика", во имя которой онъ переворачиваетъ вверхъ ногами Маркса? Онъ, видите-ли, очень мягкосердеченъ. Онъ „сочувствуетъ *своей* родинѣ, *когда она подвергается нападенію*". Кромѣ того онъ сочувствуетъ и русскому пролетаріату, ибо онъ находитъ, что русскій пролетаріатъ очень заинтересованъ въ томъ, „чтобы русская земля не сдѣлалась предметомъ эксплуатаціи въ рукахъ *германскихъ* имперіалистовъ". „Я еще не поступилъ на службу къ акуламъ *германскаго* имперіализма", признается онъ, кивая въ сторону Ленина. Ну, а какъ Вы полагаете, добрый основоположенникъ, войну-то ведетъ „русская земля", „русскій народъ" или русскіе имперіалисты во главѣ съ Николаемъ II? Или Вы теперь полагаете, что Николай II вдругъ тоже началъ заботиться о благѣ народа съ марксистской точки зрѣнія и „ополчился на защиту Сербіи" изъ заботливости о нуждахъ русскихъ пролетаріевъ? И съ какихъ это поръ Россія стала свободной и „принадлежитъ не царю своему, а своему трудящемуся населенію"? Исправьтесь, Георгій Валентиновичъ, перестаньте, наконецъ, „передергивать". Мы и безъ того видимъ, что ни Вы, ни Алексинскій на службу къ *германскимъ* имперіалистамъ не поступили. На то Вы и патріотъ *своего* отечества.

Но Плехановъ — человѣкъ осторожный. Онъ думаетъ не только о сегодняшнемъ днѣ, а и въ будущее заглядываетъ. Онъ отлично понимаетъ, что нѣмецкіе „товарищи", вотирующіе военный бюджетъ, тоже „танцуютъ отъ Маркса" и помогаютъ своимъ нѣмецкимъ имперіалистамъ точно также, какъ самъ онъ помогаетъ русскимъ. Онъ чувствуетъ, что всѣ они вмѣстѣ совершаютъ одно и то-же грязное дѣло, одинаково предательское по отношенію къ рабочему классу. И вотъ, чтобы заслужить себѣ самому прощеніе, онъ впередъ даетъ амнистію и своимъ нѣмецкимъ соучастникамъ.

„Сказать по правдѣ, я не знаю, говоритъ онъ, какая встрѣча предстоитъ германскимъ соціальдемократамъ на томъ международномъ съѣздѣ, который созванъ будетъ современемъ для возстановленія Интернаціонала. Вѣроятно не

весьма сердечная: вѣдь непріятно же пожимать руки, пахнущія кровью невинно убитыхъ... Но тутъ вполнѣ умѣстно будетъ подчиненіе *сердца разсудку*. Ради своего великаго дѣла Интернаціоналъ долженъ будетъ принять во вниманіе даже и запоздалыя сожалѣнія. Онъ долженъ будетъ сказать германскому пролетаріату:

Что сдѣлано, то сдѣлано...
. . . . Пусть дѣла
Твои *впередъ* не будутъ сходны съ этимъ".

Такъ говоритъ Заратустра-Плехановъ. Онъ уже теперь выискиваетъ для себя и своихъ нѣмецкихъ, французскихъ и всякихъ прочихъ „товарищей", обагрившихъ свои руки пролетарской кровью, тепленькое мѣстечко въ будущемъ Интернаціоналѣ. Только онъ при этомъ дѣлаетъ видъ, будто бы „не помнитъ", что и собственныя его руки будутъ пахнуть и уже пахнутъ кровью невинно убитыхъ.

Онъ одного лишь не понимаетъ: господа соціальдемократы всѣхъ странъ могутъ сколько угодно давать другъ другу амнистію, но рабочій классъ имъ этой амнистіи не дастъ. Рабочій классъ уже начинаетъ сознавать, какимъ паразитическимъ наростомъ на его организмѣ была международная клика сервильныхъ прислужниковъ буржуазнаго государства, именующая себя соціальдемократіей, и въ будущемъ Интернаціоналѣ расправится раньше всего съ этой кликой. Онъ вспомнитъ слова Бакунина: „Когда ваши блудныя дѣти-измѣнники возвратятся къ вамъ съ покаяніемъ, то *горе вамъ, если вы согласитесь принять ихъ !*"

Оводъ.

АНАРХИЧЕСКІЙ „НЕОСИНДИКАЛИЗМЪ"

(Къ дискуссіи о синдикализмѣ).

Вопросъ, поставленный редакціей „Р. З." на дискуссію, хотя дѣйствительно не новъ въ нашей средѣ, однако онъ и понынѣ остается спорнымъ. Тѣмъ болѣе, что, судя по статьямъ товарищей К. Оргеіани и Ал. Ге, онъ немного измѣнилъ свою форму. Послѣднее обстоятельство больше всего и заставляетъ меня высказать свое мнѣніе. Боюсь, что не удастся, вслѣдствіе многихъ причинъ, сдѣлать это полностью. Я буду поэтому доволенъ, если мнѣ удастся хотя бы намѣтить вопросъ въ желательномъ для меня направленіи. Товарищи, болѣе свѣдущіе въ немъ, надѣюсь, постараются разработать и развить болѣе полно представляемую мною точку зрѣнія.

До недавняго времени у насъ было въ этомъ вопросѣ два опредѣленныхъ теченія: анархическій синдикализмъ и антисиндикализмъ. Анархическій антисиндикализмъ — это порожденіе чисто русскихъ (? Ред.) условій революціонной анархической работы. Анархизмъ началъ развиваться въ Россіи въ періодъ русской революціи (? Ред.). Соціальное сотрясеніе приняло такіе размѣры, что даже въ средѣ демократовъ-соціалистовъ заговорили о перманентной русской революціи и о „максимализмѣ" (въ кавычкахъ). Ясно, что при такихъ условіяхъ вопросъ объ анархическомъ синдикализмѣ, т. е. вопросъ о практической связи анархизма съ рабочимъ движеніемъ черезъ посредство его профессіональныхъ организацій, не могъ стоять тогда на очереди дня, какъ это имѣло мѣсто въ Западной Европѣ. Мы находились тогда въ Россіи уже въ періодѣ революціи, слѣдовательно не могло быть рѣчи объ анархической подготовкѣ сознательно-революціонныхъ массъ, а нужно было вмѣстѣ съ массой дѣлать дѣло революціи, расширяя ея лозунги, зовя массу на борьбу до конца. Однако нельзя было не учесть того факта, что въ русской революціи было слишкомъ мало *сознательнаго* элемента и слишкомъ много *стихійнаго*. Антисиндикализмъ приспособился къ этимъ условіямъ и на нихъ (? Ред.) практически строилъ свою теорію синтеза революціонно-стихійной массы и сознательнаго меньшинства въ самомъ крайнемъ смыслѣ этого слова. Ведя общую работу анархическаго коммунизма въ Россіи, какъ пропаганду и агитацію идеи соціальнаго переворота, два теченія анархической мысли могли практически идти рука объ руку. Однако и тогда разногласія въ вопросахъ о значеніи роли меньшинства и значеніи организаціи широкихъ массъ всплывали наружу во многихъ серьезныхъ случаяхъ *); помимо, конечно, чисто фракціонной грызни, такъ какъ антисиндикализмъ проповѣдывался теченіемъ, имѣвшимъ еще другіе отличительные тактическіе признаки, именовавшимся „чернознаменствомъ". Мы въ данномъ случаѣ говоримъ только объ антисиндикализмѣ этого теченія, который распространялся далеко за область „чернознаменской фракціи".

Въ первой части своей статьи „О Синдикализмѣ" въ № 3 „Р. З." тов. Ал. Ге уже остановился на теоретическомъ обоснованіи антисиндикализма и показалъ несостоятельность основного принципа этой теоріи. Мы постараемся поэтому избѣжать повтореній въ этой области. Говоря объ отрицательномъ отношеніи антисиндикалистовъ къ вступленію въ рабочіе союзы, тов. Ал. Ге показалъ, что, исходя изъ предпосылки о необходимости пропаганды въ массахъ, *гдѣ бы онѣ ни были*, выдвинутой антисиндикалистомъ тов. Ф. А., антисиндикалисты не имѣютъ права *игнорировать* и синдикаты, какъ одно изъ мѣстъ скопленія рабочихъ. Я же скажу больше этого. Несостоятельность аргументаціи антисиндикалистовъ прямо бьетъ въ глаза, когда они говорятъ устами тов. Ф. А.: „На фабрикахъ, заводахъ, на улицѣ мы можемъ войти въ тѣсное соприкосновеніе съ рабочими массами, внѣ вліянія повседневно-конкретнаго профессіонализма", т. е., выражаясь проще, игнорируя синдикаты. Да, но вѣдь если рабочій *настолько* еще не осозналъ своей классовой сущности, что не понимаетъ, что нужно вступать въ организацію, которая своей профессіональной солидарностью защищаетъ хотя бы его повседневные интересы, неужели такой рабочій, находясь внѣ союза, болѣе способенъ стать „бунтаремъ" противъ всего существующаго строя? Вѣдь думать такъ — болѣе, чѣмъ наивно. Нельзя же вѣчно употреблять того масштаба, который могъ быть вѣрнымъ въ періодъ русской революціи, когда силою вещей мы могли всюду войти въ непосредственное соприкосновеніе съ массой рабочихъ, — на улицахъ, фабрикахъ и т. д. Вѣдь, естественное развитіе рабочаго движенія принимаетъ опредѣленныя формы и весь вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы *использовать* эти естественныя формы движенія въ цѣляхъ соціально-революціонной борьбы и не создавать утопическихъ организацій на бумагѣ, быть можетъ и красивыхъ, но не расчитывающихъ на практическое существованіе. Или наши товарищи-антисиндикалисты думаютъ, что русское рабочее движеніе „самобытное" и, какъ таковое, непремѣнно пойдетъ по другому пути?! Мы видѣли, однако, что даже въ ужасныхъ условіяхъ Россіи, въ періодъ реакціи, въ рабочемъ движеніи намѣчались попытки къ сплоченію по профессіональнымъ организаціямъ. Должны ли мы игнорировать это движеніе? Ясно, что нѣтъ. Большое спасибо намъ скажутъ соціальдемократы, если мы оставимъ для нихъ свободнымъ это благодарное поле дѣятельности. Вѣдь примѣры изъ западноевропейскаго рабочаго движенія, хотя бы даже только Германіи или Австро-Венгріи, намъ показываютъ, что проникаціе анархическаго коммунизма въ болѣе широкія массы происходитъ именно черезъ синдикаты. Въ Германіи уже начало создаваться небольшое революціонное массовое движеніе въ лицѣ такъ наз. „локальныхъ союзовъ", — движеніе, находящееся въ контактѣ съ идеями анархическаго рабочаго коммунизма, проводимаго въ эту среду анархистами. Ясно, что идея игнорированія синдикатовъ не выдерживаетъ никакой критики. Она дѣйствительно не пользовалась большимъ успѣхомъ въ нашей средѣ съ 1907 года. Въ это время „революціонный синдикализмъ" въ Западной Европѣ пріобрѣтаетъ право гражданства. Одно время онъ пользуется идейнымъ организаціоннымъ вліяніемъ во всемъ французскомъ рабочемъ движеніи. Отсюда и считаютъ все движеніе „революціонно-синдикалистскимъ". На самомъ дѣлѣ оно всегда состояло изъ нѣсколькихъ элементовъ и это вовсе не было тайной для анархо-синдикалистовъ, боровшихся съ вліяніемъ государственническихъ и реформистскихъ элементовъ въ немъ. Опасность началась съ того момента (? Ред.), когда нѣкоторые вожди „революціоннаго синдикализма" изъ бывшихъ анархистовъ, въ борьбѣ съ вліяніемъ государственныхъ соціалистовъ (и отчасти по личнымъ мотивамъ), старались стушевать свой анархизмъ, выдвигая на первый планъ безпартійность, независимость рабочаго движенія отъ всякихъ идейныхъ группировокъ, какъ соціалистическихъ, такъ и анархическихъ. Вотъ здѣсь то и создалась та идеологія „чистаго синдикализма", которую рекламировали Жуо и К°. Передъ фактомъ этой новой идеологіи находились мы наканунѣ войны. Она, конечно, ничего общаго не имѣла съ понятіемъ анархическаго синдикализма. Но на почвѣ этой практической жизни французскаго рабочаго движенія началась идейная полемика между анархо-коммунистами Западной Европы. Эта полемика касалась, — только теоретически, конечно, — и нашихъ русскихъ товарищей.

Тов. К. Оргеіани впервые у насъ началъ „ревизію". „Революціонный синдикализмъ сталъ измѣняться къ худшему", предостерегалъ онъ насъ, имѣя въ виду вышеназванныя явленія и указывая дальше на нѣкоторыя отрицательныя черты синдикальнаго движенія, въ частности на чиновничество, портящее анархистовъ (Жуо и К°). Вопросъ о чиновничествѣ, дѣйствительно, имѣлъ свое практическое значеніе и дебатировался одно время очень страстно въ синдикатахъ. Выработанная частью лидеровъ движенія компромиссная теорія „чистаго синдикализма" дала возможность болѣе рельефному проявленію отдѣльныхъ теченій. Стали извѣстны факты, что какой то союзъ или даже федерація союзовъ подала петицію, другой реформистскій союзъ не прочь былъ вытолкнуть анархистовъ. Да и самъ Жуо не прочь былъ отъ нихъ отдѣлаться, они слишкомъ мѣшали его общественной карьерѣ. Во французскомъ движеніи создалась немного сгущенная атмосфера. На почвѣ этой психологической канвы создалось въ средѣ части западноевропейскихъ а.-к. критическое отношеніе къ „революціонному синдикализму", доведшее нѣкоторыхъ изъ нихъ до отрицанія революціоннаго значенія за этой организаціей какъ цѣлой, признававшагося ими раньше. Это и есть приблизительно то, что перенесъ къ намъ т. Оргеіани. Но чѣмъ глубже въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Заговорили уже о томъ, что необходимо отбросить этотъ лишній „измъ", — синдикализмъ. Вслѣдъ за Бертони и Малатестой это высказалъ и т. К. Оргеіани.

Теперь т. Ал. Ге выступаетъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ взглядовъ. Въ своей статьѣ въ № 3 „Р. З." „О Синдикализмѣ" онъ подвергнулъ въ первой части ея, какъ мы уже упомянули, критикѣ воззрѣнія антисиндикалистовъ. Во второй части тов. Ал. Ге пытался конкретно опредѣлить взаимоотношеніе между анархизмомъ и синдикализмомъ. И что же оказывается? Единственное *дѣйствительное* расхожденіе между синдикализмомъ т. Ал. Ге и антисиндикализмомъ заключается только въ томъ, что антисиндикалисты отрицаютъ необходимость вхожденія въ синдикаты, а тов. Ал. Ге ихъ убѣждаетъ, что *для пополненія объектовъ нашей пропаганды* намъ необходимо и туда входить. Ибо хотя наши товарищи антисиндикалисты и придаютъ *большее* значеніе инціативному меньшинству, чѣмъ это дѣлаетъ тов Ал. Ге, однако и они, вѣдь, не отрицаютъ необходимости пропаганды и агитаціи въ массахъ, о которой говоритъ все время т. Ал. Ге.

Но не въ этомъ, вѣдь, только наше расхожденіе было до сихъ поръ съ антисиндикалистами. Центръ нашихъ разногласій лежитъ въ томъ, *какое значеніе мы придаемъ синдикатамъ, какъ организаціямъ анархической революціонной борьбы.* И въ этомъ вопросѣ тов. Ал. Ге теперь ближе къ антисиндикализму, чѣмъ къ анархическому синдикализму. То, что провозглашаетъ т. Ал. Ге, я бы назвалъ *неосиндикализмомъ*, такъ какъ онъ, какъ впрочемъ и его предшественники критическіе синдикалисты, все же въ отличіе отъ антисиндикалистовъ признаетъ необходимость вхожденія въ синдикаты, — правда, *только* для того, чтобы вербовать отдѣльныхъ поборниковъ за нашъ идеалъ въ рабочей средѣ. И отличіе его отъ насъ, оставшихся на точкѣ зрѣнія стараго анархо-синдикализма, въ томъ, что мы признаемъ необходимымъ использовать это движеніе какъ цѣлое, гдѣ это только возможно. Тов. Ал. Ге думаетъ, что синдикатъ, какъ цѣлое, не можетъ быть орудіемъ классовой борьбы (? Ред.), такъ какъ, по его мнѣнію синдикатъ „можетъ бороться только съ отдѣльными предпринимателями въ узкихъ рамкахъ своей профессіи и только въ тѣхъ ограниченныхъ предѣлахъ, которые опредѣляются экономическими взаимоотношеніями между капиталомъ и трудомъ въ данной, относящейся къ синдикату профессіи". Однако это его утвержденіе грѣшитъ противъ той реальной дѣйствительности, практика которой намъ не только показала, что синдикаты могутъ на моментъ принять ту или иную политическую платформу, но что въ рабочемъ движеніи создается *цѣлое движеніе*, которое на основѣ синдикальной организаціи образуетъ классовое движеніе за полное освобожденіе отъ рабства.

Вся аргументація т. Ал. Ге намъ кажется довольно странной, теоретически почерпнутой совсѣмъ изъ другой идеологіи. Вотъ два образчика: „Условія экономической борьбы съ предпринимателями толкаютъ рабочихъ на путь организаціи по отдѣльнымъ профессіямъ, точно также какъ условія политической борьбы противъ капитала, какъ совокупности предпринимателей, заставляютъ ихъ объединяться *подъ политической крышей той или иной политической партіи*" (курсивъ мой). И еще: „Борьба съ *капиталистическимъ строемъ* есть борьба *политическая* и, какъ таковая, синдикатами вестись не можетъ, ибо синдикаты — организаціи не политическія, а экономическія". („Р. З." № 3). Я взялъ только эти двѣ цитаты, какъ наиболѣе характерныя. Льщу себя надеждой, что не многіе товарищи даже изъ лагеря критическихъ синдикалистовъ подпишутся подъ этимъ теоретическимъ обоснованіемъ неосиндикализма. Во всякомъ случаѣ Малатеста и вмѣстѣ съ нимъ т. К. Оргеіани еще допускаютъ возможность осуществленія революціи при помощи union syndicale, т. е. революціонно синдикалистской организаціи, но т. Ал. Ге идетъ дальше нихъ и изъ его утвержденія ясно слѣдуетъ, что онъ этого не допускаетъ. Какъ же онъ себѣ представляетъ осуществленіе соціальной революціи? На это въ его статьѣ ясныхъ указаній нѣтъ. Онъ говоритъ: революціонная соціально-политическая борьба за измѣненіе существующаго порядка ведется не синдикатами, какъ профессіональными организаціями, а болѣе широкой категоріей — народомъ, въ томъ числѣ и не входящими въ синдикаты рабочими". Безсомнѣнно революція не совершается только частью пролетаріата, находящейся въ организаціяхъ. Но кто беретъ на себя инціативу революціи? Какимъ образомъ эта борьба за измѣненіе существующаго строя можетъ быть полностью проведена самими рабочими? Мы отвѣчаемъ: „такъ какъ условія толкаютъ рабочихъ на путь организаціи по отдѣльнымъ профессіямъ", то наша анархическая задача въ томъ и состоитъ, чтобы содѣйствовать тому, чтобы эти естественныя организаціи рабочихъ стали способными вести борьбу не только за повседневно-конкретныя требованія, но и за соціальную революцію. Синдикальный методъ непосредственнаго дѣйствія, какъ признаетъ самъ т. Ал. Ге, приближаетъ насъ къ этой задачѣ. Для насъ, такимъ образомъ, такъ называемая борьба за минимальныя требованія не страшна, какъ для товарищей антисиндикалистовъ, ибо используя стремленіе рабочихъ къ минимальной борьбѣ, мы стремимся расширять лозунги борьбы и ставить максимальныя задачи.

Практика французскаго революціоннаго синдикализма намъ показала, какъ неправильно „теоретическое" утвержденіе т. Ал. Ге, будто совокупность синдикатовъ не можетъ бороться, какъ революціонно-классовая организація, а принуждена только „желудки кушать", т. е. вести *только* борьбу за конкретныя требованія. Утвержденіе что основано вѣроятно на практикѣ германскаго профессіональнаго движенія, гдѣ рабочее движеніе расчленено на двѣ организаціи. Одна часть политическая, — соціальдемократія, другая профессіональная, подчиненная первой и ведущая самостоятельно только узкую борьбу въ рамкахъ профессіонализма. Анархо-коммунисты же боролись (? Ред.) противъ расчлененія рабочей революціонной организаціи и, гдѣ имъ это удавалось, они, *до сихъ поръ* по крайней мѣрѣ, не стремились создавать двухъ рѣзко отдѣленныхъ организацій въ вышеназванномъ смыслѣ, а работали за единство рабочаго движенія, за единство его организаціонной мощи, подчиняя экономическую и политическую борьбу — *соціально-революціонной борьбѣ за полное освобожденіе.* Вотъ почему намъ въ частности кажется страннымъ въ устахъ т. Ал. Ге терминъ „политическая борьба" и его формула, что „борьба съ капиталистическимъ строемъ есть борьба политическая". Какъ извѣстно, до сихъ поръ марксисты проповѣдывали это, а анархо-коммунисты боролись съ этимъ (? Ред.) понятіемъ классовой борьбы, противополагая ему терминъ „соціальная борьба", какъ наиболѣе соотвѣтствующій основному принципу классовой борьбы: „освобожденіе рабочихъ есть дѣло самихъ рабочихъ".

Въ Западной Европѣ и Америкѣ мы наблюдали въ послѣдніе годы, что были тенденціи къ тому, чтобъ профессіональныя организаціи принимали все больше характеръ революціонныхъ союзовъ. Правда, это движеніе въ большинствѣ странъ находится пока только въ зачаточномъ состояніи, но настоящія событія и могутъ дать толчокъ къ тому, чтобы оно разрослось и окрѣпло на почвѣ тѣхъ вѣрныхъ революціонно-интернаціоналистическихъ принциповъ, которые заложены въ рабочемъ движеніи нашей пропагандой и агитаціей и нашей *организаціонной дѣятельностью* въ синдикатахъ. Укажемъ хотя бы на возникновеніе въ Америкѣ организаціи „Индустріальныхъ Рабочихъ Міра", въ противовѣсъ старымъ узко-профессіональнымъ организаціямъ; на подобные союзы въ Англіи, на революціонный синдикализмъ Италіи, наконецъ на Францію, — да, на Францію, не оправдавшую нашихъ надеждъ, но въ которой наша работа все же не пропадетъ даромъ *). Къ тому же нельзя отрицать факта, что движеніе во Франціи насчитываетъ только годы, а не десятки лѣтъ. Именно опираясь на *возникновеніе и развитіе такого движенія* въ рабочей средѣ, мы строимъ свои надежды на соціальную революцію. Если мы въ самомъ дѣлѣ думаемъ, что соціальная революція не можетъ быть совершена *только* въ результатѣ воздѣйствія революціонно-сознательнаго меньшинства на инстинктивно-бунтарскія массы, въ чемъ старается разубѣдить т. Ал. Ге антисиндикалистовъ, то мы должны указать, на какой массовой организаціи мы базируемъ, которая способна сознательно воспринять и воплотить наши идеи соціальнаго переворота. А т. Ал. Ге объ этомъ не говоритъ и изъ статьи его можно вывести только заключеніе, что мы ведемъ пропаганду и агитацію въ массахъ, и только, причемъ, мы это дѣлаемъ организаціонно. Но этого мало. Мы не должны быть *только организаціей* (тоже необходимой, конечно) *пропаганды и агитаціи* въ массахъ. Мы должны строить свою работу на массовой организаціи, а таковой по прежнему остается революціонный синдикализмъ, который, если имѣетъ *недочеты*, то все же можетъ стать, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи при нашемъ участіи, тѣмъ движеніемъ, которое способно будетъ провести въ жизнь идеи анархическаго коммунизма. И въ этомъ смыслѣ революціонный синдикализмъ, въ противовѣсъ утвержденію т. Ал. Ге, есть именно то движеніе, которое можетъ и должно *дополнить* анархизмъ, какъ практическое примѣненіе анархической классовой борьбы, также какъ и оно дополняется анархизмомъ. Напомню т. Ал. Ге выводы, къ которымъ пришелъ въ своемъ анализѣ и изслѣдованіи исторіи возникновенія революціоннаго синдикализма т. К. Оргеіани-синдикалистъ. Въ своей книжкѣ: „Какъ и изъ чего развился революціонный синдикализмъ?" онъ пишетъ (стр. 88-89): „Что касается спеціально взгляда на общественные перевороты, на вопросы рабочей борьбы, между анархизмомъ и синдикализмомъ, повторяемъ еще разъ, существуетъ полное сходство. Чисто анархическое движеніе съ идеальной теоретической послѣдовательностью было бы, конечно, болѣе послѣдовательнымъ, болѣе рѣшительнымъ и предпріимчивымъ. Но всякая идея уменьшается, теряетъ свою яркость при столкновеніи съ необходимостями практической жизни, тѣмъ болѣе анархическая идея, которая появляется въ атмосферѣ всеобщей вражды." И дальше:

„Въ этомъ своемъ развитіи, въ этомъ своемъ стремленіи стать тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ стать, т. е. въ своемъ devenir, синдикализмъ смѣшивается, отождествляется съ анархизмомъ, такъ что если бы мы захотѣли найти въ синдикалистской практикѣ какую-нибудь теорію, мы безусловно нашли бы анархизмъ, также какъ если бы мы захотѣли связать синдикалистское движеніе съ какою-нибудь теоріей, не измѣняя законамъ логики и исторической правдѣ, мы должны были бы связать его съ теоріей современнаго анархизма."

Правда, самъ т. Оргеіани теперь не совсѣмъ раздѣляетъ эти взгляды, но цѣнность его формулировки отъ этого для насъ нисколько не страдаетъ.

Резюмируемъ. Анархо-коммунистическая организація имѣетъ свое назначеніе какъ идейная группировка сознательныхъ анархистовъ. И какъ таковая она можетъ дѣлать большую работу. Но она не можетъ стать классовой организаціей, такъ какъ объединяетъ людей по ихъ идеологическимъ, а не классовымъ признакамъ**). Революціонный синдикализмъ есть то классовое рабочее движеніе, которое можетъ проводить анархическіе принципы классовой борьбы. Но революціонный синдикализмъ и все безпартійное рабочее движеніе данной страны для насъ не синонимы. Въ безпартійномъ рабочемъ движеніи революціонный синдикализмъ занимаетъ опредѣленное мѣсто авангарда. Анархическій синдикализмъ—это теорія, стоящая на точкѣ зрѣнія анархическаго организаціоннаго использованія „революціоннаго синдикализма". Задача рабочихъ-анархистовъ создавать въ безпартійномъ рабочемъ движеніи, тамъ, гдѣ оно таковое, организація революціоннаго синдикализма, приближающіяся или всецѣло стоящія на точкѣ зрѣнія рабочаго анархо-коммунизма. Тамъ, гдѣ въ данной безпартійной организаціи широкихъ рабочихъ массъ нельзя создать такого движенія, условія могутъ поставить задачу раскалыванія рабочаго движенія и строенія новой рабочей синдикальной организаціи. Примѣры — Сѣверная Америка, Англія и отчасти Германія. Между анархо-коммунистической организаціей и революціонно-синдикалистской можетъ быть идейная или даже иногда организаціонная связь посредствомъ входящихъ въ нихъ анархистовъ. Первый періодъ французскаго революціоннаго синдикализма намъ даетъ такіе примѣры. Нельзя давать въ данномъ случаѣ опредѣленныхъ плановъ работы, такъ какъ необходимо считаться съ мѣстными условіями ея. Однако можно указать направленіе работы, что мною и сдѣлано по мѣрѣ возможности. Изъ всего вышесказаннаго для меня ясно слѣдуетъ, что неосиндикализмъ впадаетъ въ глубокую практическую ошибку, желая стать на точку зрѣнія окончательнаго отрицанія возможности использовать „революціонный синдикализмъ", какъ таковой, какъ это дѣлаетъ т. Ал. Ге. Конечно, нашъ идеалъ анархическаго коммунизма не померкнетъ отъ того, что въ данной странѣ синдикализмъ не оказался революціоннымъ, и даже странно ставить въ такой зависимости вопро-

---

*) Какъ на яркіе примѣры укажемъ на споръ, возникшій по поводу цѣлесообразности участія анархистовъ въ петербургскомъ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ, и на партійно-анархическіе профессіональные союзы г. Бѣлостока. Эти указанія подтверждаютъ, что споръ въ *Россіи* тогда шелъ не только относительно простого вопроса о вхожденіи или невхожденіи въ синдикаты (сравнить указаніе тов. К. Оргеіани въ № 2 „Р. З").

*) Мы не останавливаемся здѣсь на теперешнемъ кризисѣ французскаго синдикализма, ставшаго въ большинствѣ на позицію „націонализма", такъ какъ обсужденіе этого вопроса находится внѣ предѣловъ принципіальнаго спора о синдикализмѣ.

**) Необходимо избѣгнуть ошибку соціальдемократіи.

сы. Но наша работа должна быть направлена именно на то, чтобы рабочее движеніе стало классово-революціоннымъ въ анархическомъ смыслѣ. На разумномъ признаніи различныхъ сторонъ нашей дѣятельности, а отнюдь не на умалчиваніи ихъ, строимъ мы нашу будущую дѣятельность.

Рабочій Альфа

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Помѣщая настоящую дискуссіонную статью т. Альфы, Редакція оговариваетъ свое несогласіе какъ съ ея основными тезисами, такъ и съ вытекающей изъ нихъ тенденціей автора искать въ „революціонномъ синдикализмѣ“ новое міросозерцаніе, имѣющее, какъ онъ выражается, *дополнить анархизмъ*. До сихъ поръ для насъ было несомнѣнно, что анархизмъ — совершенно самостоятельное, законченное и ни въ какихъ дополненіяхъ не нуждающееся міросозерцаніе.

Подробно мы вернемся къ статьѣ т. Альфы въ одномъ изъ ближайшихъ №№ „Р. З.“, пока же мы только отмѣтили вопросительными знаками фактическія неточности, которыя въ ней имѣются.

ЕЩЕ О СИНДИКАЛИЗМѢ

(Отвѣтъ товарищу Александру Ге).

I.

Въ третьемъ № „Р. З“ тов. Александръ Ге отвѣчаетъ на мои статьи о синдикализмѣ, печатавшіяся въ № 3 „Р. М“ и въ № 2 „Р З“.

Въ моей статьѣ „Почему мы не должны вступать въ синдикаты“, я старался провести ту основную мысль, что синдикаты не способны усвоить себѣ анархической идеологіи и что вслѣдствіе этого они не могутъ быть ячейками будущаго свободно-соціалистическаго общества. Я также указалъ на то, что практическія выступленія синдикальныхъ организацій вовсе не соотвѣтствуютъ приписываемому имъ революціонно-непосредственному методу борьбы, а какъ разъ наоборотъ, — вытекаютъ изъ соображеній конкретно-профессіональнаго характера.

Такимъ образомъ, моя критика синдикальныхъ организацій сводится къ тому, что онѣ не способны къ практическимъ революціоннымъ выступленіямъ, такъ какъ ихъ повседневный профессіонализмъ и разношерстность дѣлаютъ для нихъ непріемлемой революціонную по своему характеру анархическую идеологію и, слѣдовательно, наша пропаганда въ синдикатахъ есть лишь втунѣ растраченная энергія, которая могла бы дать болѣе плодотворные результаты, если бы центръ тяжести нашей пропаганды былъ перенесенъ изъ синдикатовъ на болѣе благодарную почву.

Исходя изъ этого положенія, я писалъ въ той же статьѣ:

„На фабрикахъ, заводахъ, на улицѣ мы можемъ войти въ тѣсное соприкосновеніе съ рабочими массами, внѣ вліянія повседневно-конкретнаго профессіонализма“.

И далѣе:

„Всякій существующій строй есть результатъ борьбы идейно-сознательныхъ общественныхъ группъ и организацій.. Мы, анархисты, въ свою очередь должны стараться создать среди рабочихъ и крестьянскихъ массъ типъ организаціи, базирующей на чисто анархическихъ началахъ“.

Но что же дѣлаетъ тов. Александръ Ге?

Вмѣсто того, чтобы отвѣчать на изложенные въ моей статьѣ доводы, онъ переноситъ дискуссію на совершенно другую плоскость; хотя она тоже имѣетъ соприкосновеніе съ дискутируемымъ вопросомъ о синдикализмѣ, но какъ разъ не въ этой плоскости кроется существенное различіе между анархистами синдикалистскаго и антисиндикалистскаго толка въ ихъ отношеніи къ синдикализму.

Вотъ гдѣ, по мнѣнію тов. Александра Ге, начинается точка нашего съ нимъ расхожденія:

„Ошибка его (Ф. А.) заключается не въ томъ, пишетъ т. Александръ Ге, что онъ не дооцѣниваетъ значенія массы, какъ *физическаго* фактора революціи, а въ недооцѣнкѣ ея *сознательно-творческой идейной* роли въ періодъ революціоннаго строительства и въ неправильномъ опредѣленіи синтеза самой революціи.“

Вѣрны ли утвержденія т. Александра Ге?

Достаточно прочесть мою вышеприведенную цитату изъ статьи, помѣщенной въ № 3 „Р. М,“, гдѣ я говорю о борьбѣ идейно-сознательныхъ общественныхъ группъ и о необходимости созиданія типа организаціи среди *рабочихъ и крестьянскихъ массъ*, базирующей на чисто анархическихъ началахъ, — чтобы всякому стало ясно, что я не только не недооцѣниваю, но очень хорошо сознаю цѣнность *сознательно-творческой идейной роли массъ* въ періодъ революціоннаго строительства.

Что же касается моего неправильнаго опредѣленія синтеза самой революціи, то и это утвержденіе тов. Александра Ге можно также поставить подъ знакомъ сомнѣнія.

Дѣйствительно ли ужъ такъ неправильно мое опредѣленіе синтеза революціи, какъ это кажется т. Александру Ге?

Изъ дальнѣйшаго ознакомленія съ его статьей становится очевиднымъ, что это его утвержденіе есть результатъ смѣшиванія двухъ разныхъ понятій—*революціи вообще* и *революціи анархической*.

Революцій вообще — было много до насъ, революцію анархическую грядущій день намъ сулитъ.

И поэтому, когда я говорю о взаимоотношеніи сознательнаго революціоннаго меньшинства и инстинктивнаго творчества народныхъ массъ, то я имѣю въ виду не анархическую революцію, а революціи вообще, революціи, которыя *уже* творили исторію и *частично* разрѣшили извѣстныя общественныя проблемы, но не дали еще максимума той общественной свободы, какая, по нашему понятію, является задачей революціи анархической.

Соглашаясь съ тѣмъ положеніемъ т. Александра Ге, что въ революціи необходимо различать два дѣйственныхъ момента — возстаніе и строительство, — я вмѣстѣ съ тѣмъ усматриваю также и въ предыдущихъ революціяхъ два дѣйственныхъ элемента. Извѣстная часть массы, въ данномъ случаѣ меньшая, имѣетъ сознательное представленіе о своихъ цѣляхъ и стремленіяхъ; другая же, большая часть, не имѣющая яснаго сознательнаго представленія о томъ, что можетъ ей дать революція, тѣмъ не менѣе тоже творитъ инстинктивно или полусознательно, разрушая старыя ненавистныя учрежденія, являющіяся носителями угнетенія и рабства.

Одинъ изъ этихъ элементовъ я называю сознательно-революціоннымъ меньшинствомъ, но это меньшинство не есть что нибудь обособленное, стоящее внѣ массы, а органическая часть ея, и какъ таковую я ее понимаю.

Это революціонное меньшинство можетъ быть разсѣяно по разнымъ концамъ той страны, гдѣ происходитъ революція. Но возможныя границы революціи, ея кульминаціонный пунктъ, зависятъ отъ количественнаго и качественнаго состава даннаго сознательно-революціоннаго меньшинства массы.

Если же мы будемъ говорить объ анархической революціи, какъ вѣрно опредѣляетъ ее тов. Александръ Ге, — о такой революціи, гдѣ всѣ знали бы, къ чему они стремятся, когда *вся* масса пропитана нашими идеями, когда сознаніе всей массы есть анархическое,— то тогда, вѣдь, и рѣчи не можетъ быть о сознательно-анархическомъ меньшинствѣ. Вѣдь понятіе сознательнаго меньшинства заключаетъ въ себѣ уже понятіе о несознательномъ большинствѣ и мы стремимся же къ тому, чтобы первое увеличилось за счетъ второго.

Перейдемъ теперь къ непосредственно интересующему насъ вопросу о синдикализмѣ.

II.

Когда я говорю о насущной потребности созданія революціонно-анархическаго меньшинства, то это находится въ связи съ другимъ моимъ положеніемъ, — гласящимъ, что синдикаты таковымъ быть не могутъ, съ чѣмъ, впрочемъ, теперь соглашается и тов. Александръ Ге.

На правильно поставленный имъ вопросъ: „Можно ли считать синдикаты тѣмъ факторомъ, который па слѣдующій день послѣ революціи долженъ организовать производство на коммунистическихъ началахъ“? — т. Александръ Ге отвѣчаетъ, что нельзя. Но несмотря на это, онъ считаетъ необходимымъ для анархистовъ вступать въ синдикаты. „Тамъ въ синдикатахъ, разсуждаетъ онъ, мы соприкасаемся съ производителями и, благодаря вносимой нами туда пропагандѣ, пріобрѣтаемъ возможно большее количество *сознательныхъ* сторонниковъ анархическаго міросозерцанія и *сознательныхъ* борцовъ за анархическій идеалъ.“

Такъ ли это?

Прежде всего сопоставимъ два утвержденія т. Александра Ге, исключающихъ другъ друга. Одно изъ его утвержденій сводится къ тому, что „на другой день послѣ революціи“ синдикаты не будутъ способны организовать производство на коммунистическихъ началахъ.

Гдѣ же тогда логика слѣдующаго его утвержденія, что въ синдикаты нужно вступать потому, что мы тамъ соприкасаемся съ производителями? Какая же тутъ польза отъ соприкосновенія съ такими производителями, которые не сумѣютъ организовать свое же производство на другой день послѣ революціи?

И дѣйствительно ли вѣрно другое его утвержденіе, что мы въ синдикатахъ „пріобрѣтаемъ возможно большее количество *сознательныхъ* сторонниковъ анархическаго міросозерцанія и *сознательныхъ* борцовъ за анархическій идеалъ?“

Что то исторія развитія синдикальнаго движенія во Франціи доказываетъ намъ совершенно обратное.

Было такое доброе старое время, когда анархисты не допускали мысли, что анархизмъ можетъ померкнуть и испортиться изъ-за вступленія анархистовъ въ синдикаты.

Съ нашимъ анархическимъ міровоззрѣніемъ конечно этого случиться не можетъ, но съ анархистами то?

Нашъ уважаемый т. Оргеіани тоже былъ въ числѣ такихъ оптимистовъ, но посмотрите, какую онъ продѣлалъ эволюцію влѣво.

Если т. Александръ Ге взялъ бы на себя трудъ внимательно прочесть статью т. Оргеіани, то онъ не дѣлалъ бы такихъ голословныхъ утвержденій о пріобрѣтеніи нами въ синдикатахъ сознательныхъ борцовъ за анархическій идеалъ. Мы видимъ какъ разъ противоположное, — что лучшія силы анархизма, вступивъ въ синдикаты, окончательно потеряли свой анархическій обликъ. И это случилось не съ заурядными работниками анархическаго движенія, у которыхъ анархическое міровоззрѣніе еще недостаточно опредѣлилось и выяснилось, а какъ разъ съ людьми, основательно знавшими, къ чему они стремятся. Конечно, мы не совсѣмъ согласны съ толкованіями и выводами т. Оргеіани, сводящимися къ тому, что эти анархисты испортились, занявъ посты синдикальныхъ чиновниковъ, и что синдикальное движеніе можетъ пойти по революціонному пути, если оно освободится отъ чиновничества.

Причины измѣненія синдикальнаго движенія къ худшему лежатъ гораздо глубже. Не чиновничество породило синдикальное движеніе, а синдикальныя организаціи породили чиновничество. Съ ростомъ профессіональныхъ организацій растетъ также нужда въ людяхъ, которые заняли бы отвѣтственные посты секретарей, кассировъ, организаторовъ и т. д. И эти чиновническіе посты будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока не прекратится существованіе синдикатовъ, какъ таковыхъ. Анархисты же, вступившіе въ синдикаты и считающіе эти организаціи идейно-идеальными, обязаны руководить ими. Вѣдь, борьба даже за минимальныя требованія, согласно утвержденіямъ т. Алелсандра Ге, тоже пробиваетъ брешь въ государственно-капиталистической крѣпости, является „временнымъ приближеніемъ къ анархизму и соединяетъ профессіональную борьбу съ борьбой противъ государства“.

Бѣда только въ томъ, что борьба за минимальныя требованія остается лишь борьбой за тѣ же требованія, что минимально-профессіональная сущность синдикальнаго движенія, въ силу своей же внутренней логики, не позволяетъ этимъ организаціямъ выйти за предѣлы разъ навсегда предначертанной для нихъ капитализмомъ линіи сотрудничества классовъ. Можно даже дальше пойти и сказать, что эта линія начертана самими синдикальными организаціями, единственной идеологіей которыхъ является повседневно-конкретный профессіонализмъ. Выше головы не перескочишь!

И напрасно т. Александръ Ге софистически разсуждаетъ о томъ, что „всякая современная революціонная организація, борющаяся съ капитализмомъ, тоже есть порожденіе капиталистическаго строя, дѣйствующее въ его же рамкахъ.“

Это положеніе вѣрно постольку, поскольку данная революціонная организація уже заранѣе усвоила себѣ извѣстную идеологію. Но отъ этой идеологіи зависитъ, ограничится ли дѣятельность этой организаціи лишь борьбой въ рамкахъ современнаго строя или же она выльется за предѣлы этихъ рамокъ.

„Хлѣбо-жралищная“ же идеологія профессіональныхъ организацій приковываетъ ихъ къ золотой колесницѣ современнаго государственно-капиталистическаго строя и лишь реорганизація рабочаго движенія на совершенно новыхъ, въ данномъ случаѣ анархическихъ началахъ, можетъ вывести синдикальное движеніе на болѣе просторную дорогу сознательно-революціонной дѣятельности.

Тов. Александръ Ге тоже приходитъ къ вполнѣ правильному заключенію, что анархизмъ, соціализмъ или какой бы тамъ ни было „измъ“ чуждъ синдикальному движенію, какъ таковому. Онъ допускаетъ это съ нѣкоторыми оговорками, отступленіями отъ общаго правила, но въ концѣ концовъ дѣлаетъ выводъ, что эти отступленія не отнимаютъ отъ синдикализма его признаковъ „повседневно-конкретнаго профессіонализма.“

Но если это такъ, если этотъ профессіонализмъ живетъ въ синдикатахъ какъ самоцѣль, представляетъ собою ту единственную идеологію синдикатовъ, которая руководитъ ихъ поступками и обуславливаетъ ихъ практическія выступленія и этимъ самымъ исключаетъ какую бы то ни было другую идеологію, то каковы же могутъ быть результаты нашей анархической дѣятельности въ синдикатахъ?

Тов. Александръ Ге имѣетъ два козыря, говорящихъ въ пользу нашего вступленія въ синдикаты. На одномъ изъ нихъ, заключающемся въ пріобрѣтеніи сознательныхъ борцовъ за анархизмъ, я уже раньше остановился и указалъ на то, что практика французскаго синдикальнаго движенія дала обратные результаты.

Практика этого движенія указываетъ намъ на то, что анархисты, вступившіе въ синдакаты съ цѣлью пропаганды, были поглощены повседневно-конкретнымъ профессіонализмомъ и никакихъ борцовъ за анархизмъ не пріобрѣли, а сами отстали отъ анархическаго движенія.

Другой же вѣскій козырь т. Александра Ге это — непосредственный методъ, которымъ пользуются синдикаты въ своей борьбѣ съ капиталистами. Дадимъ же ему самому высказаться по этому поводу:

„Но синдикальное дѣйствіе, какъ методъ, является единственнымъ способомъ дѣйствительно классовой борьбы, въ противоположность парламентаризму“... говоритъ т. Ге.

И далѣе:

„Поэтому для насъ, анархистовъ, методъ непосредственнаго классоваго дѣйствія, практикуемый рабочими черезъ ихъ синдикальныя организаціи, имѣетъ большое значеніе“...

И тов. Александръ Ге находитъ, что это имѣетъ для насъ большое значеніе. потому, что:

„Выступая *революціонно* противъ капиталистовъ, онъ нарушаетъ установленные государствомъ способы для урегулированія взаимоотношеній между капиталомъ и трудомъ и тѣмъ самымъ, даже борясь за минимальныя требованія и *несмотря на это*, соединяетъ профессіональную борьбу съ борьбой противъ государства. Это — внутренняя логика непосредственнаго классоваго дѣйствія, порою даже не сознаваемая самими борцами“.

Безусловно, непосредственный методъ борьбы, прямое классовое дѣйствіе—наиболѣе вліятельны и приносятъ куда больше пользы рабочему дѣлу, чѣмъ другіе посредственные и косвенные методы борьбы. Но главное, вѣдь, заключается въ томъ, какую цѣль преслѣдуютъ тѣ организаціи, которыя практикуютъ непосредственный методъ. Какая польза будетъ освободительному пролетарскому движенію во Франціи, если этотъ методъ борьбы диктуется французскимъ рабочимъ исключительно ненавистью къ германскому милитаризму? Вѣдь, между цѣлью и средствомъ должна быть гармоническая связь, и если цѣль синдикальныхъ организацій это — интересы повседневно-конкретнаго профессіонализма, то тогда „нарушеніе установленныхъ государствомъ способовъ урегулированія взаимоотношеній между капиталомъ и трудомъ“ — есть не болѣе и не менѣе, какъ домашняя ссора, которая улаживается домашними же средствами, и практическая дѣятельность этихъ организацій возвращается къ своему исходному пункту, — къ *повседневно-конкретному профессіонализму*.

Но этотъ непосредственный методъ борьбы, якобы практикуемый синдикальными организаціями, можетъ быть поставленъ подъ вопросительнымъ знакомъ. Если французскіе синдицированные рабочіе обращаются къ министрамъ, чтобы тѣ уладили возникшія между рабочими и ихъ работодателями недоразумѣнія, — то можно ли это назвать непосредственнымъ методомъ борьбы? И есть ли это непосредственное классовое дѣйствіе, когда тѣ же рабочіе при объявленіи забастовки руководствуются сезонными соображеніями и прибыльно-доходной способностью капиталистическихъ предпріятій? Повышается спросъ на рабочія руки, — тогда можно бастовать; нѣтъ спроса — все остается по старому; имѣютъ хозяева хорошій доходъ, — тогда можно требовать повышенія заработной платы, если же доходы не такъ велики, — тогда и старыя расцѣнки хороши.

И этого рода практическія выступленія синдикальныхъ организацій т. Александръ Ге называетъ непосредственнымъ методомъ борьбы, прямымъ классовымъ дѣйствіемъ и присовокупляетъ, что „это — внутренняя логика непосредственнаго классоваго дѣйствія, порой даже не сознаваемая самими борцами“.

Пожалуй, онъ правъ. Если это именно и есть та пресловутая внутренняя логика классоваго дѣйствія, то на такой логикѣ далеко не уѣдешь.

Но намъ кажется, что т. Александръ Ге, разсуждая о внутренней логикѣ классоваго дѣйствія, опять смѣшиваетъ два различныхъ понятія о классѣ. Есть понятіе о классѣ, какъ экономической категоріи, но есть и другое опредѣленіе класса, какъ идейно-сознательной категоріи. Капиталистическій и рабочій классы, какъ экономическія категоріи, существуютъ, и на „внутренней логикѣ“ ихъ экономическаго соотношенія силъ наши почтенные марксисты строятъ свои метафизическія зданія; но рабочій классъ въ своемъ цѣломъ, какъ идейно-сознательная категорія и какъ самодовлѣющій идеологическій факторъ, еще не существуетъ, и къ созданію этого самодовлѣющаго фактора въ пролетарскихъ массахъ мы, анархисты, и должны стремиться.

Но на своемъ пути къ созданію такого фактора мы встрѣчаемся съ разными препятствіями и одно изъ нихъ это — синдикальная форма организаціи, воплощающая въ себѣ чуждую нашему анархическому міровоззрѣнію повседневно-конкретную профессіональную идеологію.

И антисиндикалисты на основаніи всего вышеизложеннаго считаютъ необходимымъ бороться съ этой профессіональной идеологіей, но не внутри синдикатовъ, а внѣ нихъ, путемъ созданія другого типа пролетарскихъ организацій, которыя были бы построены на анархическихъ началахъ и существовали бы параллельно съ синдикатами.

На затронутый же мною вопросъ о новыхъ формахъ пролетарскихъ организацій и о практической реализаціи ихъ я постараюсь дать отвѣтъ въ слѣдующій разъ.

Ф. А.

О РЕВОЛЮЦІОННОМЪ СИНДИКАЛИЗМѢ.

Въ № 3 „Рабочаго Знамени“ была помѣщена интересная и во многихъ отношеніяхъ поучительная статья тов. А. Ге „О синдикализмѣ“. Товарищъ Ге серьезно и вдумчиво отнесся къ волнующему насъ вопросу. Многое изъ того, что утверждаетъ Ал. Ге, вполнѣ пріемлемо, но при попыкѣ обосновать свои выводы онъ допустилъ, на мой взглядъ, цѣлый рядъ значительныхъ ошибокъ.

Вскрыть эти ошибки я считаю нужнымъ, ибо это приблизитъ насъ къ пониманію позиціи тѣхъ, которыхъ я считаю *критическими синдикалистами*.

Тов. Ал. Ге выставляетъ слѣдующія положенія: 1) Между капитализмомъ и синдикализмомъ такая же связь, какъ между причиной и слѣдствіемъ. Синдикализмъ развивается по линіи, начертанной капитализмомъ, [а потому-то синдикализмъ безсиленъ выйти изъ очерченныхъ капитализмомъ границъ *конкретнаго профессіонализма*. 2) Собственно, революціоннаго синдикализма нѣтъ, а есть просто синдикализмъ, который бываетъ порою то *революціоннымъ*, то консервативнымъ. 3) Анархизмъ и синдикализмъ — понятія двухъ совершенно различныхъ категорій. Они не могутъ ни пополнять, ни исключать другъ друга.

Раньше всего: какъ слѣдуетъ понимать утвержденіе автора, что между капитализмомъ и синдикализмомъ точно такая же связь, какъ между причиной и слѣдствіемъ? Если это простое констатированіе факта, то оно, конечно, правильно, но въ достаточной мѣрѣ безсодержательно. Вѣдь то же можно сказать и относительно всего пролетаріата: онъ — несомнѣнно — продуктъ, „результатъ“ современнаго капитализма. Но тов. Ге, очевидно, не намѣренъ только безпомощно повторять эти трюизмы. Онъ изъ вышеприведеннаго, вѣрнаго и невиннаго, положенія дѣлаетъ далеко не невинный и, увы, далеко не вѣрный выводъ: *такъ какъ* синдикализмъ — продуктъ капитализма, то синдикализмъ и долженъ двигаться въ рамкахъ капитализма, въ рамкахъ борьбы за конкретныя, экономическія требованія. Почему такъ? Неужели-же тов. Ге вѣритъ въ наличность существованія „объективныхъ“ законовъ, фатально обрекающихъ „волю“ синдиката биться безсильно о тѣсныя, капитализмомъ воздвигнутыя стѣны конкретныхъ требованій? Неужели-же тов. Ге не видитъ, что онъ создаетъ какой-то новый „желѣзный законъ?“ Врядъ-ли, впрочемъ, тов. Ге самъ вѣритъ въ наличность такихъ „объективныхъ законовъ“, иначе онъ не упрекалъ-бы другихъ въ склонности „строить красивые софизмы по марксистскому шаблону...“ Синдикализмъ — слѣдствіе капитализма! Хорошо! Но это ровно ничего не доказываетъ. Спиноза вѣрилъ, чуть не „боготворилъ“ причинность. Это, однако, ему не помѣшало сказать: отецъ - причина ребенка, но не причина *духовной сущности* грядущаго человѣка... Конечно, капитализмъ — „отецъ“ синдикализма, но отсюда еще не слѣдуетъ, что онъ отецъ и духовной сущности и воли синдиката. Воля рабочихъ, то усыпляемая, то возбуждаемая ходомъ развитія капитализма, *можетъ* сдѣлаться самостоятельной силой, разрушить рамки, начертанныя капитализмомъ, если только эти рамки въ дѣйствительности существуютъ, а не являются продуктомъ (и одновременно „промахомъ“) незрѣлой, метафизической мысли... Вѣдь и самъ т. Ге замѣчаетъ, что „всякая революціонная организація, борющаяся съ капитализмомъ, тоже есть порожденіе капиталистическаго строя, дѣйствующее въ его же рамкахъ“. Но если такъ, то почему же *всякая* революціонная организація не рабыня воли капитализма? Тогда, вѣдь, и весь революціонный классъ —

Рабъ ему чуждаго духа:
Хочетъ — не хочетъ, а долженъ вѣщать,
Все, что слышитъ подвластное ухо...

А „подвластное ухо“ слышитъ грозный окрикъ: не пытайся прорвать фронтъ „конкретнаго профессіонализма“, могуче укрѣпленнаго буржуазнымъ обществомъ!

Вотъ эта-та ошибка врядъ-ли не обусловливаетъ и другое значительное недоразумѣніе: тов. Ге увѣряетъ, что революціоннаго синдикализма нѣтъ, а есть вообще синдикализмъ, который бываетъ *и* революціоннымъ.

Это не такъ.

Подъ революціоннымъ синдикализмомъ слѣдуетъ разумѣть *не синдикализмъ плюсъ революціонность.* Революціонный синдикализмъ есть *методъ воспитанія и проявленія классовой воли въ духѣ, чуждомъ государственности и близкомъ антигосударственности. Этотъ* синдикализмъ тоже бываетъ болѣе или менѣе революціоннымъ, но одно измѣреніе его „температуры“ ничего не даетъ въ смыслѣ пониманія основныхъ чертъ революціоннаго синдикализма. Про *этотъ* синдикализмъ нельзя сказать такъ огульно, что „онъ и анархизмъ — понятія двухъ совершенно различныхъ категорій“. Но въ статьѣ тов. Ге есть иная аргументація: онъ неоднократно подчеркиваетъ, что *на практикѣ* революціонный синдикализмъ превращается въ синдикализмъ вообще. Тутъ тов. Ге, не взирая на теоретическія ошибки, дѣйствительно нащупалъ больное мѣсто. Здѣсь передъ нами ясно и властно поставлена реальная и сложная, какъ сама жизнь, задача: *учесть и активно преодолѣть все то, что превращаетъ революціонность синдикализма въ пышную декларацію, а конкретный профессіонализмъ — въ живой фактъ.*

Догматическій синдикализмъ или не видитъ этой задачи, или отдѣлывается фразами, общими мѣстами.

Антисиндикализмъ видитъ язвы революціоннаго синдикализма, но не считаетъ нужнымъ возиться съ безнадежно больнымъ. Да антисиндикалисту и некогда: онъ спѣшитъ въ баню, на базаръ: тамъ онъ надѣется найти рабочихъ, не зараженныхъ бациллой „конкретно-реформистскаго профессіонализма“. Поставить и разрѣшить эту задачу можетъ только *критическій синдикализмъ.*

II

Каковы тѣ препятствія, которыя жизнь ставитъ революціонному синдикализму? Каковы „противорѣчія“, вытекающія изъ самой позиціи, занятой революціоннымъ синдикализмомъ? Вотъ вопросы, разрѣшенію которыхъ должна способствовать открытая „Рабочимъ Знаменемъ“ дискуссія.

Съ перваго взгляда можетъ казаться, что революціонный синдикализмъ какъ-бы нейтрализуетъ острые споры, раздирающіе рабочій лагерь. Онъ — синдикализмъ — какъ будто выбираетъ наиболѣе несомнѣнное, простое, оспариванію не подлежащее, и предлагаетъ его рабочимъ массамъ.

Синдикализмъ какъ будто говоритъ:

„Мы объединяемъ всѣхъ производителей на почвѣ экономической борьбы. Рабочіе, организуйтесь! Ваши организаціи должны быть автономными, организованными снизу вверхъ. Боритесь. Ваше орудіе — непосредственная борьба, прямое давленіе силой на капиталъ и защищающее его государство.“

Эти простыя, безхитростныя рѣчи понятны рабочимъ. Они говорятъ душѣ рабочаго даже тогда, когда душа эта заражена отчасти предразсудками государственности. Это, если хотите, своего рода „врожденная“ идея, какъ-бы „естественная идеологія“ производителей. Но, вѣдь, по существу говоря, какая же это безпартійность? Не въ томъ дѣло, что синдикализмъ выставляетъ идеалъ — уничтоженіе наемнаго труда, что положительная сторона этого идеала *не* совпадаетъ съ идеаломъ соціалистовъ-государственниковъ. Дѣло въ самомъ *отношеніи* къ action directe, къ соціальной стачкѣ, къ формѣ рабочей организаціи. Вѣдь при обоснованіи, при аргументаціи въ пользу „action directe“, революціонный синдикалистъ не ограничивается обѣщаніемъ лишь большихъ матеріальныхъ благъ. Подчеркивается роль *воспитательная* въ смыслѣ *освобожденія массъ отъ гипноза легализма* государственнаго и проявленія самодѣятельности въ смыслѣ приближенія къ идеалу анархической самодѣятельности....

Какой же это, съ позволенія сказать, *безпартійный* синдикатъ?

Онъ безпартійный развѣ только въ слѣдующемъ смыслѣ: синдикализмъ ищетъ общезначимой платформы, которая базируетъ на еще не вполнѣ осознанномъ, полустихійномъ антигосударственномъ сознаніи массъ, *причемъ вся тактика направлена къ тому, чтобы обезпечить ростъ этого сознанія и парализовать всѣ иныя тенденціи, живущія въ сознаніи тѣхъ же массъ.*

Эта-то своеобразная безпартійность и является источникомъ то мощи, то слабости синдиката.

Мы, конечно, не сторонники врожденныхъ идей, не думаемъ, что рабочій — прирожденный анархистъ-коммунистъ, но не вѣримъ и въ то, что душа массъ — tabula rasa — чистая доска, на которой „идеологъ“ или „обстоятельства“ пишутъ все, что имъ угодно. Рабочій, эксплуатируемый, обреченный на невѣжество при громадномъ стремленіи къ свѣту; рабочій, натыкающійся на государственное „запрещено“, „не дозволено“, ставитъ вопросъ о томъ, нельзя ли обойтись безъ власти, безъ закона. Жизнь толкаетъ его узнать, говоря словами Лермонтова,

Для воли или для тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы?

Естественно, если революціонный синдикализмъ выставляетъ упрощенную формулу, которая, повторяемъ, какъ бы выражаетъ, символизируетъ и организуетъ антигосударственное сознаніе трудовыхъ массъ.

Но этотъ голосъ часто заглушается, верхъ берутъ иныя вліянія: соціалисты-демократы, школа, обыденная жизнь, проклятое наслѣдіе проклятаго прошлаго, — все сливается въ единую мощную, могучую силу, которой удается привить массѣ ядъ государственности, постепеновщины, реформизма. Эта двойственность рабочаго сознанія обусловливаетъ возможность проявленія различныхъ и даже противоположныхъ теченій и самъ синдикатъ является ареной борьбы. Огромное значеніе имѣетъ и тотъ фактъ, что въ составъ синдиката входятъ массы, находящіяся на различномъ уровнѣ развитія. Отвлеченно говоря, возможно такое явленіе: синдикализмъ аполитиченъ, выражается этотъ аполитизмъ хотя-бы въ равнодушномъ отношеніи къ борьбѣ за избирательное право. Въ составъ синдиката входятъ и рабочіе, которые *уже переросли* парламентаризмъ: отъ шума и суеты избирательной кампаніи она ничего не ждутъ. Но въ составъ того же синдиката могутъ входить, и фактически входятъ, рабочіе, которые, *еще не дошли* даже до парламентаризма. Они просто равнодушны; они — обыватели и ничего болѣе. Для нихъ заинтересованность политической борьбой является *прогрессивнымъ признакомъ* и синдикатъ этого интереса заглушить не можетъ; вотъ эта-то масса вноситъ, безсознательно, демократическую струю, *подготовляетъ внутри синдиката позицію для демократовъ.* И тутъ-то только мы подходимъ къ реальному „противорѣчію“, къ реальной причинѣ кризиса синдикализма и безнадежнаго банкротства догматическаго синдикализма. Съ одной стороны, синдикаты безпартійны, туда могутъ входить всѣ производители. Съ другой стороны, революціонный синдикатъ есть *практическое введеніе въ тактику* — беремъ узкую область — *безгосударственнаго соціализма.* Какъ вы думаете, — демократія буржуазная или соціалистическая спокойно будетъ смотрѣть на то, какъ умы и воля массъ пропитываются, подъ вывѣской безпартійности, антигосударственнымъ сознаніемъ? Какъ вы думаете, — демократія не забьетъ тревогу, не пойдетъ черной тѣнью за анархистами, чтобы тамъ, тоже подъ флагомъ безпартійности, вести то явную, то тайную борьбу за свою, демократическую индивидуальность? Полагаете-ли вы, что эти демократическія ячейки не позаботятся о томъ, чтобы ослабить напоръ революціонной воли, что они не перебросятъ мостика между жоресистами и синдикалистами? — Если кто-либо такъ думалъ, то жизнь безжалостно разбила эти жалкія утопіи! Образовались подъ эгидой революціоннаго синдикализма и чистые синдикалисты, и реформисты, и т. д. Началась борьба. И одновременно начался *упадокъ революціоннаго синдикализма.* Упадокъ энергіи, вялость. Стачки проходили уже далеко не единодушно. Исчезъ энтузіазмъ. Появилась трещина, надрывъ... Страстную рѣчь замѣнила декламація; власть сѣрой, тусклой обыденщины разъѣла революціонную волю. Нѣкогда революціонное поле было усѣяно „мертвыми костями“.

„Это временный упадокъ“ успокаивали насъ, еретиковъ, предвидѣвшихъ этотъ финалъ, догматики.

Конечно, временный. Если *своевременно* будетъ дана генеральная битва всѣмъ оппортунистамъ.

Но далъ-ли революціонный синдикализмъ эту битву? Нѣтъ. Онъ самъ почти сдался на капитуляцію именно тѣмъ, что неразумно хотѣлъ избѣгать конфликта.

Какъ на дѣлѣ повелъ себя революціонный синдикализмъ? Можно, по моему, отмѣтить три стадіи въ поведеніи революціоннаго синдикализма противъ покушеній со стороны реформистовъ. Первая: боевое отстаиваніе своей „личности“. Надо еще упорнѣе проводить тактику action directe. Рѣзче подчеркнуть *дѣломъ* и словомъ классовую непримиримость. Связать классовую борьбу съ *рабочимъ* антимилитаризмомъ. Вторая стадія: *механическая* защита своей позиціи. Надо провести „лѣвыя“ резолюціи. Надо имѣть на съѣздѣ *большинство.* Механическія средства далеко не излишни для созиданія этого большинства. Многое зависитъ отъ *способа представительства.* Начинается борьба, *своеобразная избирательная кампанія,* а *это перемѣщеніе центра вниманія* на такое исканіе большинства *уже является побѣдой реформизма,* независимо даже отъ результатовъ „кампаніи“... Третья стадія: *компромиссъ.* Революціонный синдикализмъ дѣлается просто синдикализмомъ. Печаль и уныніе среди рабочихъ, торжество и веселіе великое среди буржуазіи. Тогда-то и появляется знаменитый „отказъ отъ наслѣдства“, заявленія, что „идеалы отцовъ и дѣдовъ безсильны“, не нуженъ намъ ни Бакунинъ, ни Марксъ. Одни уходятъ потому, что „устали свой крестъ нести: покинулъ ихъ духъ гнѣва и печали на полпути“; другіе остаются, но дѣлаются тише воды, ниже травы, въ надеждѣ такимъ маневромъ успокоить противника. Вошло въ свои права знаменитое „благоразуміе“.

Ну, а отсюда дорога широка, и ведетъ эта дорога не только въ Римъ, но и въ траншеи, подъ знамена генерала Жоффра.

А масса? Въ ней весь этотъ смутный періодъ посѣялъ пессимизмъ, перешедшій отчасти въ *цинизмъ,* отчасти въ исканіе другихъ „святынь“. Да это и понятно. Масса пошла въ синдикаты потому, что извѣрилась въ силѣ французской демократіи. Бодрый, сильный и чистый голосъ революціоннаго синдикализма звалъ и обѣщалъ большія битвы во имя большихъ цѣлей... Кого побѣдилъ синдикализмъ? Демократію. Передъ кѣмъ теперь покорно склонился синдикализмъ? — Передъ демократіей. Что же это, какъ не сказка, скверная сказка про бѣлаго бычка? И удивительно-ли, что *пессимизмъ* перешелъ въ *цинизмъ?* Удивительно-ли, что масса искала другой святыни?

Искала и нашла!

Раздался во время кличъ: отливайте пушки и везите ихъ на позиціи! И масса отозвалась на этотъ кличъ..

III.

Въ нашихъ рядахъ насчитываются 1) антисиндикалисты 2) догматическіе синдикалисты и 3) критическіе синдикалисты Антисиндикалистамъ отвѣчали уже т. В. Э. въ „Рабочемъ Мірѣ“ и т. Ге въ упомянутой выше статьѣ въ „Рабочемъ Знамени“. Мы хотѣли бы лишь подчеркнуть слѣдующее.

Антисиндикалисты недоумѣваютъ: зачѣмъ намъ „лѣзть“ въ такія организаціи, въ нѣдрахъ которыхъ вырабатываются враждебные намъ демократическіе элементы? Зачѣмъ намъ организовывать союзы, дающіе реформистамъ формально возможность развернуть знамя свое? Отвѣчаемъ: не нами міръ начался, не нами онъ и кончится. Не нами начата исторія рабочаго класса, мы лишь ведемъ ее. *Масса, въ процессѣ борьбы, изживаетъ государственный періодъ своего сознанія.* Мы хотимъ быть вмѣстѣ съ массой въ такихъ рабочихъ организаціяхъ, въ которыхъ мы могли бы лучше всего содѣйствовать преодолѣнію „противорѣчій“ *самими массами.* Внутри синдиката нарождается демократическое теченіе? — Хорошо. Мы дадимъ битву демократіи *и на этомъ* полѣ и постараемся, не отрываясь отъ массъ, сохранить только свободу дѣйствія.

Видите ли, товарищи антисиндикалисты, вы плохо отличаете анархизмъ какъ *философское теченіе* и какъ *рабочее движеніе.* Какъ теченіе мысли анархизмъ, точнѣе, отдѣльный анархистъ можетъ не интересоваться *темпомъ* движенія массъ. Онъ, сторонникъ опредѣленнаго теченія, можетъ сѣять „разумное, доброе, вѣчное“, не заботясь о рабочихъ организаціяхъ, и онъ *по своему* правъ. Но если вы уже говорите о рабочемъ классѣ, *о рабочемъ движеніи,* то вы должны знать законы *массоваго сцѣпленія,* должны знать жестокую правду каждаго дня. Вы, конечно, можете пѣть пѣсни про анархическую свободу, но масса вамъ скажетъ

Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? Чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ, пѣснь его свободна,
Зато какъ вѣтеръ и безплодна, —
Какая же намъ польза въ ней?

А между тѣмъ, этотъ „своенравный чародѣй“ могъ бы сочетать вольность своей „пѣсни“ *съ пользой,* если бы помнилъ, что масса ведетъ *организованное* существованіе — *организовалъ* трудъ хозяинъ, *организованную* силу рабочихъ эксплуатируетъ онъ. Быть внѣ синдиката, это значитъ — способствовать тому, что т. Александръ Ге, къ счастью совершенно неосновательно, считаетъ фактомъ — именно, что синдикатъ будетъ двигаться въ рамкахъ, намѣченныхъ капитализмомъ! Гораздо существеннѣе слѣдующая ошибка антисиндикалистовъ: они переоцѣниваютъ значеніе *организаціонной* свободы и забываютъ, что *разъ коллективная душа массъ является часто ареной борьбы государственнаго и антигосударственнаго «началъ»,* то этотъ государственный элементъ проявится въ *любой* организаціи до тѣхъ поръ, пока не будетъ *изжитъ массами*

Не менѣе печальной и ошибочной является также позиція догматическаго синдикализма. Я укажу ниже, что въ самомъ догматическомъ синдикализмѣ слѣдуетъ отличать два оттѣнка. Пока же выяснимъ общій недостатокъ его платформы.

Догматическій синдикализмъ создалъ себѣ фетишъ, божокъ *изъ идеи безпартійной автономной рабочей организаціи.* Поэтому догматическіе синдикалисты, хотя они и видятъ, что нѣтъ единой революціонной воли массъ; что революціонный синдикализмъ все болѣе и болѣе превращается въ бюро для изготовленія компромиссовъ; что количество ренегатовъ растетъ не по днямъ, а по часамъ; что этотъ мнимый революціонаризмъ вреднѣе настоящаго оппортунизма, — хотя и видятъ это, да бороться *дѣйствительными* мѣрами безсильны: какъ Дамокловъ мечъ виситъ надъ ними *боязнь раскола.*

Боязнь раскола! Но, вѣдь, „демократы“ этого не боятся! Они то готовы вести *свою* линію до конца! А догматикъ-синдикалистъ явно объявляетъ себя банкротомъ, ибо противникъ прекрасно знаетъ, до какихъ поръ будетъ бороться догматическій синдикализмъ: *пока дѣло не дойдетъ до раскола.* Эта боязнь раскола связываетъ по рукамъ и ногамъ догматическаго синдикалиста и, связаннаго, выдаетъ его демократамъ, реформистамъ....

Каковы психологическія предпосылки этой странной боязни раскола?

Здѣсь то и надо различать оттѣнки въ предѣлахъ революціоннаго синдикализма. Одни боятся *возрожденія кружковщины* въ анархизмѣ. По причинамъ, весьма сложнымъ и глубокимъ, анархизму въ исторіи не легко давался и дается длительный контактъ, соприкосновеніе съ массой. Тяготѣніе къ кружковщинѣ, переоцѣнка роли *организаціонно* изолированной личной иниціативы — тоже фактъ, оспариванію не подлежащій. Эти то товарищи *до болѣзненности* одержимы боязнью возвращенія къ періоду кружковщины. Для нихъ участіе въ массовомъ движеніи настолько важно, что *средство* превращается въ *цѣль.* Они не замѣчаютъ, что въ данный моментъ пребываніе анархистовъ въ данной безпартійной организаціи является капитуляціей передъ чуждыми намъ силами и теченіями.

Но въ догматическомъ синдикализмѣ есть и иной, мало выявленный оттѣнокъ — *ликвидаторство* въ опасной и своеобразной формѣ. Видите ли, по причинамъ тоже весьма серьезнымъ и глубокимъ нарождается теченіе, которое хотѣло бы разжижить, *обезличить анархизмъ,* но.... *чужими руками.* У этихъ товарищей не хватаетъ мужества сказать, какъ Мерисонъ: пойдемъ, ребята, въ парламентъ! Они хотятъ вырвать анархическое жало.... чужими руками. Ихъ поэтому особенно влечетъ во всѣ тѣ организаціи, гдѣ анархизмъ теряетъ свои контуры, свои очертанія, *благодаря воздѣйствію чужихъ* силъ. И не только въ безпартійные синдикаты, нѣтъ. Образуется Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ съ полуправительственными (революціонное правительство) функціями. „Догматикъ“ бьетъ тревогу: надо анархистамъ войти; помилуйте, рабочая организація, организованное выраженіе рабочей воли; будемъ *тамъ* бороться, *тамъ* пропагандировать. Казалось бы, чего лучше? Оказывается на дѣлѣ вотъ что: въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ большинство — демократы минималисты. Всѣ предложенія голосуются. Побѣждаетъ большинство. И.... анархисты должны подчиняться, ибо.... какъ же можно идти противъ организованной воли рабочихъ массъ? Вы уже понимаете, какой, съ божьей помощью, поворотъ: анархическая программа ликвидирована, похоронена, и все это подъ предлогомъ — быть въ массовыхъ организаціяхъ, отказаться отъ индивидуалистической тактики.... Тутъ ликвидаторство явное, до безцеремонности доходящее. Въ догматическомъ же синдикализмѣ оно прикрывается знаменемъ: *боязнь раскола,* единство автономнаго рабочаго движенія.... Догматики синдикализма идутъ на компромиссъ именно потому, что хотятъ такой организаціонной связи, которая давала бы возможность *реформистамъ* обезличить анархизмъ, вырвать жало его. Эти догматики готовы призывать „варяговъ“, чтобы тѣ володѣли ими, они нарочно зажигаютъ огонь на своемъ жертвенникѣ такъ и тамъ, гдѣ „вихри враждебные воютъ надъ нами“, ибо не хотятъ, чтобы изъ революціонно-синдикалистской искры вспыхнуло пламя. *Боязнь раскола — это борьба за ликвидаторство чужими руками*[1]).

Бороться съ антисиндикализмомъ и догматическимъ синдикализмомъ разныхъ оттѣнковъ можетъ только критическій синдикализмъ.

Раньше всего мы остро и выпукло подчеркиваемъ основное противорѣчіе синдикализма: возможность распыленія пролетарской воли благодаря борьбѣ крайняго и реформистскаго теченій. Предстоитъ борьба. Мы ведемъ эту борьбу *внутри* синдиката. Причемъ: если мы замѣчаемъ, что нахожденіе наше во главѣ синдиката обязуетъ насъ быть рупоромъ всей идеологически разношерстной массы; если намъ предстоитъ заняться выработкой „равнодѣйствующей“, мы немедленно покидаемъ „власть“ и занимаемъ роль *активной оппозиціи.*

Дальше: мы не боимся раскола! Если наше пребываніе въ безпартійномъ синдикатѣ грозитъ *параличемъ нашей волѣ,* если мы, безсильные двигаться, безсильны задержать потокъ реформизма, тогда — *да здравствуетъ расколъ!* Мы уходимъ изъ безпартійнаго синдиката и организуемъ *анархическій* синдикатъ.[2]) Уходя изъ синдиката, мы вовсе не реставрируемъ кружковщины. Цѣль наша нисколько не измѣнилась, она остается той же: *служеніе рабочимъ массамъ.* Измѣнился только *организаціонный методъ,* и не больше.

Насъ то жупеломъ раскола не испугаешь, прелестью компромисса не соблазнишь!

Только на поверхностный взглядъ можетъ казаться, будто наше разногласіе съ догматиками незначительно, методъ отмежеванія — недостаточно радикаленъ.

Нѣтъ, это не такъ.

Наша не-боязнь „раскола“ вырываетъ почву изъ подъ тайнаго ликвидаторства, отнимаетъ оружіе критики у антисиндикалистовъ, лишаетъ демократовъ возможности подавлять нашу волю тайной угрозой раскола.

Критическій синдикализмъ создаетъ твердую базу для служенія массовому движенію и мы увѣрены, что все бодрое, молодое и здоровое должно примкнуть къ этому теченію. **Рощинъ.**

ПИСЬМО ИЗЪ РОССІИ.

С...... 14. VI. 1915.

Вотъ уже почти годъ, какъ оборвалась наша дѣловая переписка изъ-за цензурныхъ условій. Къ счастью теперь удалось провести военную цензуру и я постараюсь наверстать утерянное.

Многое измѣнилось съ той поры и у меня есть теперь, что поразсказать вамъ.

Въ настоящее время мы связаны съ анархистами нѣкоторыхъ другихъ городовъ . . . .

До войны мы получили нѣсколько номеровъ „Р. М.“ и „Г. Т.“. Ихъ берутъ у насъ нарасхватъ и дочитали уже до дыръ. Всю литературу, которую мы собирали годами, у насъ разобрали. Просятъ еще, но нѣтъ уже, нечего- давать. Намъ сейчасъ до зарѣзу нужна анархическая литература. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше. При первой возможности пришлите все, что только сможете прислать.

Далѣе, изъ одного рабочаго района тов. С. пишетъ намъ, что у нихъ борьба между с.-д. и а.-к. кончилась побѣдой послѣднихъ. Кружокъ руководителей стачечнаго движенія сталъ на сторону а-к. Нужна литература и опытные пропагандисты, такъ какъ своихъ силъ уже не хватаетъ.

Изъ другого города тов. Н. пишетъ, что у нихъ не хватаетъ литературы и пропагандистовъ для дальнѣйшаго развитія анархической пропаганды. Оба просятъ прислать имъ опытныхъ пропагандистовъ.

Есть еще одинъ городъ съ прилежащимъ рабочимъ райономъ, гдѣ мы могли бы сейчасъ успѣшно работать, но, чтобы не разорваться на части, мы вынуждены, несмотря на благопріятныя перспективы, оставить пока этотъ городъ внѣ поля нашей дѣятельности.

Мы сможемъ обслуживать въ своемъ городѣ растущее анархическое движеніе, но на болѣе широкую периферію у насъ пока не хватаетъ силъ. Можетъ быть Федерація могла бы делегировать намъ опытныхъ пропагандистовъ. Такая помощь была бы очень цѣнна для движенія и пріѣхавшіе нашли бы широкое поле дѣятельности.... **О.**

---

[1]) Разумѣется, рѣчь не идетъ здѣсь о чьей либо злой волѣ. Мы говоримъ лишь о наличности сверхличной тенденціи.

[2]) Въ критическомъ синдикализмѣ я усматриваю синтезъ положительныхъ лозунговъ „хлѣбовольчества“ и критической работы „чернознаменцевъ“. Не надо забывать, что чернознаменцы фактически вели экономическую борьбу, организовывали анархическіе синдикаты. Еще, разумѣется, теоретически трудно предопредѣлить, когда наступаетъ моментъ ухода анархистовъ изъ синдиката. Это дѣло учета конкретныхъ обстоятельствъ мѣста и времени.

За неимѣніемъ мѣста статьи *т. Оргіани* (Страницы изъ исторіи всеобщей стачки), *т. Александра Ге* (Соціалистическое грѣхопаденіе) и нѣкоторые другіе матеріалы откладываются до слѣдующаго номера. *Редакція.*

Адресъ для корреспонденціи и денежныхъ переводовъ:
Dr. Wintsch, 4, rue Dickens, Lausanne.
pour Rab. Znamia.

Editeur responsable Docteur Wintsch, rue Dickens, 4, Lausanne.

Imprimerie Chaulmontet. 12, rue des Rois. Genève.